

*Ирина
Степановская*

*На скамейке
возле Нотр-Дам*

Ирина Степановская

На скамейке возле Нотр-Дам

Текст предоставлен правообладателем.

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=5010435

Степановская И. На скамейке возле Нотр-Дам: Эксмо; Москва; 2013

ISBN 978-5-699-63167-4

Аннотация

После того как скорпостижно скончался возлюбленный Татьяны, ее жизнь остановилась. Пустота заполнила то место, где должна быть душа. Осталась только обида: за что? Но однажды коллега по работе предложила Тане поехать вместе в Париж...

Новый роман Ирины Степановской – о преодолении печали, о возрождении, о помощи и вере в себя, о проблемах вечных, как старинный собор Нотр-Дам.

Содержание

Часть первая	4
1	12
2	57
Конец ознакомительного фрагмента.	120

Ирина Степановская

На скамейке возле Нотр-Дам

На пути к Прусту

Часть первая В Париж!

Неожиданно для себя, переступив через тридцатилетний порог своей относительной юности, я пристрастилась к кофе. Я помню, что в детстве мне категорически не нравился его вкус. Потом, в годы студенчества, следуя моде, я кофеек все-таки попивала. Садилась за столик с нашей большой компанией где-нибудь в кафе, неспешно затягивалась сигаретой и покачивала длинной ногой, закинутой на дружю. При этом казалась самой себе безусловно элегантною. Через некоторое время после окончания института чувство собственной неотразимости на удивление быстро прошло, сменившись тягой к бытоустройству – обоям, ламинату, цепторовским кастрюлям. Еще позднее наступило время тортиков, конфет и других сладких изысков, закончившееся неминуемым набором лишних килограммов и – как следствие

– чередованием одной безуспешной диеты с другой. В общем, в юности мечтая быть оригинальной, самодостаточной и неуязвимой, к тридцать четвертому году своей жизни я оказалась ни в чем особенно себя не проявившей и не сделавшей никакой карьеры, как, впрочем, и многие другие мои сверстницы. Гордиться я могла только одним весьма скромным достижением – преодолев тягу к тортикам и вернувшись в десятилетней давности джинсы, я научилась есть мало. Большею частью, впрочем, из экономии, чем от силы воли. И поэтому я пристрастилась к кофе. Без него на голодном пайке у меня падало давление и кружилась голова. А поскольку я вовсе не мечтала завалиться в обморок в единственном приличном пальто где-нибудь в метро или на грязном тротуаре, по утрам перед выходом на работу я выпивала две большие чашки крепкого кофе и заедала их тем, что валялось в старом буфете – огрызком печенья, засохшим куском черного хлеба. Этого хватало на весь день.

И как-то так получилось, что постепенно жизнь стала тяготить меня. Собственной семьи у меня не было, а на любой работе я могла продержаться не более двух лет. Потом меня или сокращали, или я уходила сама. Впрочем, и у большинства моих знакомых семьи были такие, что хоть волком от них вой. Что же касается работы, я даже толком не помнила своей специальности, записанной в дипломе. Что уж говорить об интересе, если каждое утро я считала, сколько дней еще осталось до выходного.

Я уже не мечтала ни о доме, в котором мне хотелось бы жить, ни о друзьях (старые куда-то после окончания института растерялись, а новых я не приобрела). У меня не было даже собаки, потому что у моей матери была аллергия на шерсть. И ко всему я теперь относилась весьма скептически. Ничто, по большому счету, меня не интересовало.

К тому же по ночам меня часто мучил страх. Он приходил сразу, как только я собиралась заснуть, и нашептывал всякие гадости.

– Вот сейчас тебе тридцать четыре, – привычно вкрадчиво начинал он, стоило мне только закрыть глаза, – ... а через год будет тридцать пять. Потом тридцать шесть... Вашу дурацкую контору прикроют... Никуда тебя больше не возьмут, потому что ты уже старая, и тебе придется снова сесть на шею родителям...

В этом месте страх ехидно хихикал.

– Никто тебе не поможет! Ты стала некрасивой и отвратительно одета. У тебя дешевая косметика, а духи, всем одинаковые, подарила на Восьмое марта та самая дурацкая фирма, в которой ты так ненавидишь работать. И весь ваш отдел воюет именно ими, так что когдаходишь в комнату, кажется, будто зашел в парфюмерную лавчонку на рынке. Ты стала дешевкой. Кому ты нужна?

Я знаю, что никому.

Это вербальное истязание могло продолжаться до тошноты, до сердцебиения, до мучительного чувства тоски, кото-

рое ощущалось в горле и мешало дышать. Я переворачивалась с боку на бок, со спины на живот, распластывалась как лягушка, принимала позу эмбриона – ничто не помогало. Мысли вращались в мозгу тяжелыми жерновами, перемалывая и перематывая одно и то же – неудачи и промахи, неудобные ситуации и откровенные предательства. Не спасала и сероватая зыбь за шторами, означающая переход конечной точки ночи в начало рассвета. К этому времени я уже обычно замирала на своем диване, усталая, безвольная и, несмотря ни на что, смертельно хотящая спать.

Но иногда мне удавалось смирить свой страх и не дать ему разгуляться до полного безобразия. Безобразие же заключалось в том, что я явственно представляла, что вот сию минуту я внезапно превращусь в отвратительную ночную бабочку с жирным брюшком и толстыми хищными лапками, всю покрытую мохнатым слоем тусклой пылицы. Такие бабочки летом иногда залетали в мое окно. Их неповоротливые тела, похожие на туловища толстых старух в вытертых бархатных кацавейках, с самого раннего детства вызывали во мне отвращение и ужас. Я помню, как в пять или в шесть лет летними вечерами забивалась в угол кровати и смотрела, как бабочки летали по комнате, гипнотизируя меня своим бессмысленным кружением. Они тупо бились в пластмассовый плафон под потолком, оставляя на нем сероватые полосы пылицы, а к утру замертво падали на ковер, обессиленные от собственной глупости. И тогда мне казалось, что вот так же

упаду и я. И буду лежать неподвижная, с задранными кверху скрюченными лапками, будто мертвая. И никто не придет мне на помощь. А через несколько дней в комнату войдет моя мать и небрежно смахнет веником мое тело. Поморщится и унесет его в мусорное ведро. А я буду знать, что она выбрасывает меня – ее единственного ребенка. Но я буду молча наблюдать за этим как бы со стороны, не в силах ни закричать, ни пошевелиться.

И сейчас, в свои тридцать четыре, я вспоминала это так ясно, как будто видела перед собой этих отвратительных бабочек из моего детства – как они кружатся, приближаясь к моему лицу. Я в ужасе наматывала на голову одеяло, как будто эта тканевая защита могла помешать достать меня этим гадким насекомым, и задыхалась. Однако удушье мне помогало. Инстинкт самосохранения оказывался сильнее. Я разматывала голову, кашляла, вставала с дивана и с закрытыми еще глазами шлепала в кухню. Страх отступал, подхрюкивая и ухмыляясь, но я прекрасно знала, что для него наступила лишь временная передышка до следующей ночи.

По дороге я плотно прикрывала дверь в комнату родителей, чтобы не проснулась мать и не пришла ко мне с разговорами, которых я терпеть не могла. В одиночестве я кипятила воду и варила кофе. Кофе обжигал мне рот и давал энергию. На короткое время становилось легче, до тех пор, пока на сцене не появлялась жаба в розовом распахнутом халате с оборками – жалость к себе.

Ну почему все так по-дурацки сложилось в моей жизни? – с этого пункта я уже не боялась умереть, но начинала давиться слезами. Почему я не родилась в богатой семье какого-нибудь потомственного профессора или политического деятеля, писателя или директора крупного завода? Почему я не смогла воспользоваться даже тем, что имела? Не смогла вовремя выйти замуж за какого-нибудь своего однокурсника, родить ему детей? Сейчас вместе с ним ходила бы по магазинам и ругалась из-за пустяков. Почему я не смогла стать пусть не очень успешной, но, по крайней мере, не одинокой? Почему? – к этому заключительному вопросу моя ночная сорочка на груди была уже вся обмочена слезами. Вперемешку лезли в голову всякие глупости, например, как однажды воспитательница детского сада послала меня в какую-то кладовку за мячом, а я умудрилась заблудиться среди трех дверей, несмотря на то, что ходила в этот детский сад несколько лет. От таких воспоминаний мне становилось только хуже, хотя я не только до сих пор отлично помнила расположение комнат в том старом здании, но и прекрасно знала ответы на все свои риторические вопросы.

Вот они.

Я не вышла вовремя замуж потому, что никого из тех, кто мне это предлагал, не любила. А тот, кого я любила, на мне не женился. Моя любовь к нему была похожа на огромный блестящий шар, почти десять лет наполненный радостью. Потом шар незаметно начал сдуваться, пока вся радость из

него не исчезла, а внутри под блестящей оболочкой остались лишь клочки грязной ваты, комкастой и желтоватой – такой раньше на зиму затыкали окна. И так получилось, что в моей жизни, кроме этой сдувшейся радости, больше ничего не осталось – ни института с его бешеными друзьями, ни родителей с их укоризненными высказываниями о моем неправильном выборе, ни других людей, городов, стран... Да, радости не осталось, а любовь стала мной. Она меня наполнила. Просочилась во все мои клетки, жилы, сосуды, заполнила мозг и сердце и там замерла. Меня, как отдельной единицы, больше не существовало. Столб выглядел таким же бесчувственным, как я. Но столб не был заполнен любовью, а я была.

Самое удивительное, что я теперь никогда не вспоминала ЕГО. И никогда не видела ЕГО во сне, будто кто-то наложил табу на его образ. Теперь другое – бесцветное и скучное – я видела вокруг себя. И это другое составляло всю мою жизнь. А ОН – моя любовь – он умер. Непредсказуемо, внезапно. И в этот день меня не было рядом с ним. С тех пор прошло более трех лет. Получалось, что из всех моих тридцати четырех жизнь моя продолжалась на этом свете чуть менее трети – то время, когда я все-таки была с ним. И оттого, что в этом я уж точно бессильна что-то исправить, меня и мучает страх по ночам. А я лечу его кофе. И вот парадокс – после кофе под самое утро я вдруг засыпаю. Сплю еще полчаса или час. Потом от визга будильника просыпаюсь с ужасной головной

болью и иду на работу. Вечером приползаю домой, заваливаюсь в своей комнате на диван, включаю беззвучно телевизор и снова пью кофе. И так невыносимо медленно тянется моя жизнь.

Я работаю в конторе, где кроме меня трудятся еще пять или шесть особ женского пола, ничем, на мой взгляд, не примечательных. Я не могу сказать точно, сколько их – пять или шесть, потому что все они похожи друг на друга – как внешностью, так и разговорами. Я знаю, что все они моложе меня. Они кажутся мне клонами. В нашей конторе мы занимаемся тем, что оптом продаем парфюмерию одной новой, мало кому известной французской фирмы, которая пытается сделать деньги на своем товаре за счет этикетки – на это покупаются многие. Взяли меня в эту фирму из-за знания языка. По стечению обстоятельств, ближайшая к моему дому школа оказалась «французской», и я честно отбыла в ней срок, равный десяти годам – такой дают за тяжкие преступления. В школу ездили дети со всех концов города, обучение действительно было поставлено по-настоящему, но меня туда взяли случайно – в год, когда мне исполнилось семь, вышло какое-то постановление, что ребенка нельзя не взять на учебу, если он живет на ближайшей улице. Поэтому оказалось, что за десять лет французский язык был «вбит» в меня на веки веков.

Впрочем, почти все, что случилось в моей жизни, происходило большей частью именно случайно. Пожалуй, за исключением самого факта моего рождения. Моя мать часто и

с удовольствием любила рассказывать мне, как долго у них с папой не было детей. Класа до третьего меня эти разговоры пугали – я по своей наивности полагала, что дети берутся откуда-то сами собой, прямо так и появляются в кровати. Когда же оказалось, что моей матери для того, чтобы я появилась на свет, понадобилось долго лечиться, а лечение для меня всегда было сопряжено со страхом и болью, вместо радости от осознания факта своего рождения я ощутила ужас и тревогу. Смогу ли оправдать столько надежд? И чуть не до окончания школы я чувствовала угрызения совести, что не являюсь блестящей ученицей и не отмечена никакими особенными способностями. Потом, в институте, эти мысли ушли как-то сами собой, но и теперь, когда моя мать собирается пуститься в воспоминания на эту тему, я выхожу из комнаты. Я не могу отделаться от неприятного чувства, что все усилия моих родителей, затраченные на мое рождение и воспитание (а других детей они так и не смогли родить), потрачены впустую.

Так вот, одна молодая особь женского пола, чье рабочее место также по случайному совпадению оказалось рядом с моим, пришла однажды на работу, заварила себе в фаянсовой кружке чай и, совершенно неожиданно повернувшись ко мне (обычно со мной никто не разговаривал без особой необходимости), спросила:

– Не хочешь на неделю поехать в Париж?

Какое-то время при полном молчании остальных ее това-

рок я осмысливала эти слова. Сначала мне показалось, что я ослышалась. Потом все-таки, мысленно повторив звуки, которые она произнесла, я поняла, что действительно прозвучало «...в Париж». В темени стали ворошиться неповоротливые чурки мыслей.

В Париж. Зачем? В командировку? Не может быть. Кто она такая, эта моя соседка, чтобы предлагать *мне* командировку в Париж? Такая же мелкая служащая, как я. И кто я такая, чтобы *мне* предложили поездку в Париж? Нет, ничего такого быть не может. На всякий случай я переспросила:

– Что ты сказала?

За соседним столом фыркнули. Конечно, они подумали, что до жирафа доходит быстрее. Но моя соседка не стала возводить очи к небу. Она повторила, но уже с некоторым нетерпением:

– Не хочешь поехать со мной на неделю в Париж? Я ищу компаньонку.

В комнате установилась напряженная тишина.

Я поняла, что все остальные варианты были ей уже перепробованы. Осталось спросить у меня. Просто на всякий случай, вдруг соглашусь. Но я не случай. Я не хочу идти у них на поводу. Я уже открыла рот, чтобы отказаться. Но вдруг в моей памяти всплыл розовеющий в преддверии солнечного утра каменный мост через Сену, объединяющий в одно целое два небольших острова. Замелькала перед глазами солнечная зелень в верхушках платанов и жирафы пят-

на на их коре. Зазвучали чьи-то шаги – мужские и женские – по усыпанным гравием дорожкам. И я увидела себя – молодую, безумную и счастливую, шагающую по этому мосту вдоль медлительной реки, огибающей контрфорсы Нотр-Дам. Я падаю со своим любимым на деревянную, покрашенную простой коричневой краской скамейку – вторую на боковой аллее, если считать со стороны острова Святого Людовика. Он обнимает меня, мы хотим мороженого, но его еще не продают в такую рань. На дне его спортивной сумки с белым ремнем через плечо всегда лежит стеклянная бутылочка кока-колы. Он носит ее с собой на всякий случай, если мы вдруг захотим пить. А когда он открывает ее брелком от ключа, нежная пробка со звоном делает полукруг, падает на землю и катится в сторону, заваливаясь на один бок. И тогда я прыгаю за ней, чтобы положить сорванную крышку в пластиковый мешок хлипкой урны. А из открытой бутылки вырывается наискосок легкий дымок, и губы мои припадают к ее круглому твердому горлышку...

Я вдруг почувствовала, что безумно хочу в Париж. Хочу до спазмов в горле, до рези в желудке, до судорог в ногах. В общем, можно было уписаться, так я снова хотела увидеть эту скамейку.

Я посмотрела на свою соседку внимательно, может быть, в первый раз за все то время, которое она работала со мной – год или больше, и спросила:

– Как тебя зовут?

Она растерялась. За моей спиной раздалось возмущенное перешептывание остальных. Мне было на них наплевать. Какое мне было дело, кого и как из них зовут? Я иногда не помнила своего собственного имени. Вернее, это тоже не имело для меня никакого значения.

Она ответила:

– Елена.

Ах да. Когда мне нужно было к ней за чем-нибудь обратиться, губы мои действительно выдавливали что-то похожее на это имя. Я медленно произнесла про себя: «Е-ле-на». Звучало спокойно. С какой-нибудь Ларой, Ирой или Настей я бы не поехала. В звучании имени есть своя магия. Раскатистые, свистящие и шипящие звуки – будируют. Мне же хотелось только спокойствия. Спокойствия души, граничащего с летаргическим сном.

Я спросила:

– Сколько нужно денег?

Она торопливо начала объяснять. Я закрыла глаза. Она замолчала. Тогда я сказала с закрытыми глазами.

– Не надо деталей. Назови общую сумму. Если я найду деньги – я поеду.

Она назвала, но в голосе ее почувствовалось сомнение, правильно ли она поступила, предложив мне составить ей компанию. Я представила, что вот сейчас она откажется от своего предложения, и я не поеду в Париж – затевать поездку одной у меня не хватит решимости. Я взяла себя в руки.

Придав своему лицу состояние деловой заинтересованности, спросила:

– Зачем тебе нужна компаньонка?

Она ответила довольно громко, ничего не скрывая, из чего я заключила, что кроме меня все в комнате были в курсе ее дел:

Она сказала:

– Мой друг летит во Францию на три дня на авиасалон своим ходом. Он – летчик. Поэтому мы договорились, что, если я в это же время окажусь там по туристической путевке, мы сможем провести в Париже вместе три дня.

Я подумала: вы вместе, а я зачем? Но она тут же ответила, будто прочитав мои мысли:

– Он будет там всего три дня, а путевка продается на неделю. Он улетит назад на своем самолете, а я останусь. Вдвоем с кем-нибудь будет дешевле и веселее.

Мне понравилось ее прямоту, но я решила, что она зря рассчитывает на то, что я поеду, чтобы за свои деньги умиляться свалившемуся на нее счастью. Дудки. Не дождется. Но тут эта самая скамейка – простая, коричневая, без всяких прибабасов, стоящая на дорожке под широким платаном, вдруг снова встала перед моими глазами, и я ощутила смиренное, но непреодолимое желание ее погладить. Ощутить под своими руками ее гладкое тепло, лечь на спинку щекой и облиться слезами... И хорошо было бы на ней умереть.

Я ответила:

– Я поеду.

По комнате прокатился вздох облегчения, граничащий с сочувствием. Естественно, моей соседке, не мне. Но на всех моих сослуживиц, включая и Лену, мне тогда было глубоко плевать.

Хлопоты о путевках взяла на себя Лена.

* * *

Вообще-то вся эта парижская история, говоря по совести, началась для Лены намного раньше, чем я о ней узнала. Лене, я уже не помню, каким образом, но, в общем, тоже совершенно случайно достался пригласительный билет на московский авиасалон. МАКС – аэрошоу. Билет оказался один на два лица. Если бы второе лицо для поездки на шоу у Лены нашлось, может быть, жизни всех участников этой истории стали бы развиваться совсем по-другому. Но произошло то, что произошло. Никто из знакомых и родных, включая Ленину маму, в тот день с ней поехать не смог. Лена повертела в руках билет, оценила его стоимость (а он был не из дешевых), подумала – и решилась ехать одна. Не умрет же она там от одиночества? В Яндексe она нашла маршрут, как будет добираться своим ходом, оделась потеплее – день обещал быть прохладным, и отправилась навстречу своей судьбе.

К МАКСУ или не к МАКСУ, но все станции электричек

в направлении Рязани были свежепокрашены в светло-зеленый цвет, как, впрочем, и сами электрички, и даже столбы электропередач. Сиденья в вагонах покрыли свежим дерматином: нигде не бросались в глаза прорехи с вылезающей грязной начинкой. Народу в вагоне было немного, и публика была, как заметила Лена, необычная. Вместо бабок с кошелками, дачников, бездельников, работяг всех национальностей и профессиональных нищих на скамейках парами, группами и поодиночке сидели мужчины представительного вида в костюмах и галстуках, и все, как сговорившись, ехали в одном направлении, не выходя на промежуточных станциях.

– Платформа «Отдых», – объявил голос диктора по переговорному устройству поезда.

Единственный пьянчуга на весь вагон опять-таки случайно усевшийся напротив Лены, при этих словах внезапно очнулся, посмотрел в окно и внятно, с презрением произнес:

– Что это за «Отдых»? Ни баб нет, ни озера! – И тут же снова опустил голову на грудь и, по-видимому, задремал.

Лена, услышав его слова, не удержалась и фыркнула – таким ей это показалось забавным. Настроение у нее вдруг стало прекрасным. Что с того, что она едет на аэрошоу одна? Вовсе ей не скучно среди всех этих людей. И выкрашенные вагоны электричек, и солнечное утро, и мужчины, едущие с ней, и даже грязноватая дворняжка, бежавшая вдоль перрона по земле по своим делам, все вдруг стало ей казаться ми-

лым и веселым. Она смотрела в окно на пробегавшие мимо поселки и перелески и предвкушала что-то интересное для нее, новое и знакомое.

Диктор объявила новую остановку, и мужчины в галстуках потянулись к выходу.

«Моя!» – опомнилась и Лена.

В билете было написано, что на станции всех будет встречать бесплатный автобус. Она решила не упускать из виду мужчин с портфелями и пристроилась позади них в нескольких метрах. Все вместе они сели в автобус, и Лена всю дорогу невольно слушала их разговоры о том, что на дорогах сейчас жуткие пробки и на автомобилях мужчины рисковали бы попасть на автосалон только к вечеру. Это не зрители, это деловые люди, догадалась Лена.

Для того чтобы пройти на летное поле, нужно было отстоять еще минут пятнадцать в очереди на контроль. На августовском ветру Лене стало прохладно. Хорошо, что взяла с собой куртку. Она повязала голову косынкой в цветочек, подняла воротник... но вот и контроль. Служащий вежливо оторвал край ее билета. Впереди простор, дорога в чистом поле, а дальше люди, вывески, плакаты и виднеющиеся хвосты самолетов. Лена с энтузиазмом пошла вперед.

Выставка аэротехники была открыта буквально накануне. Специально так делается или нет, но в дни московского авиасалона небо всегда бывает чистое. Вот и теперь. Лена надела солнцезащитные очки. Синь над полем была такая празд-

ничная, такая яркая, какая не всегда бывает и весной. Выгоревшая жарким июлем трава пахла как-то особенно сильно – степью и солнцем. Пускай к этим запахам примешивался еще и керосиновый оттенок, Лене он не мешал наслаждаться чудесным днем. Она быстро обогнала своих прежних попутчиков в галстуках и теперь шагала одна – легкая и веселая – по широкому полю навстречу колышущейся вдалеке толпе, бравурным маршам и отдаленному пока, но торжественному голосу распорядителя полетов, доносившемуся из громкоговорителей.

Вдруг, как гром внезапно налетевшей грозы, над ней раздался страшный рев двигателей. Казалось, он заполнил собой все пространство неба. Лена интуитивно шарахнулась в сторону. Звук приближался к ней из-за поля, из-за больших павильонов-шале, закрывавших от зрителей взлетно-посадочную полосу. Но, начинаясь оттуда, он врывался в небо и уже сверху, прямо из-под редких, бугристых снежно-белых облаков обрушивался на людей, которые поднимали ему навстречу головы, стараясь понять, что за источник этого страшного шума. Однако самолеты, ушедшие на взлет, а это ревели именно они, были еще не видны людям со стороны павильонов. Они взлетали за лесом, над полями набирали высоту и, развернувшись, мчались назад, готовые к выступлению, полные решимости показать все, на что они способны.

Одновременно с ревом прекратились марши. Лена была

уже возле начала демонстрационной полосы, на которой стояла техника.

– В небе пилотажная группа итальянских летчиков, – солидно, но сдержанно по громкоговорителю объявил распорядитель полетов.

Лена задрала голову так, что пришлось придерживать рукой косынку. Еще ничего не было видно. Небо синело, как раньше, и два или три облачка показались ей похожими на сахарную вату. Внезапно рев двигателей, к которому она уже привыкла, смолк – шумовая волна переместилась в другом направлении. И вдруг в полной тишине, что показалось нереальным, из-за синей кромки леса появилась четверка самолетов. Внезапно снова с небес обрушился звук, и в реве и грохоте итальянские истребители пронесли над аэродромом, развернулись с противоположной стороны, вернулись и сделали несколько петель. Затем они выпустили разноцветные газовые шлейфы в цвет итальянского флага, разошлись веером и ушли снова за лес, на посадку. На Лену напал приступ щенячьего восторга.

– Ура, итальянцы! Какие вы молодцы! – Она даже сорвала с головы косынку и замахала им вслед. Но небо уже опять стало чистым, и Лена, уняв свой восторг, неспешно пошла дальше. Вокруг нее теперь было много людей, они толпились около стоящих на земле самолетов и вертолетов, тут же островками стояли киоски с газированной водой, мороженым и воздушной кукурузой. Никто не обращал на Лену внима-

ния, и ей от этого было хорошо и свободно. Она переходила от группы к группе, останавливалась, где хотела, смотрела на летчиков из разных стран, дежуривших рядом со своими машинами, и чувствовала, что внезапно окунулась в совершенно до этого неизвестный ей и даже очень странный мир, в котором главное совсем не то, к чему она раньше привыкла. В воздухе в это время друг против друга кружились два вертолета. Будто у них сватовство, брачные игры, – подумала Лена про вертолеты, как про живые существа. Ей стало казаться, что машины существуют в воздухе сами по себе.

Но вот впереди, на по-особенному огороженной площадке показались два необычных самолета. Один прямой и длинный, как сигара, а другой – толстяк-коротышка, оба были выкрашены темно-серой краской. Возле них с внутренней стороны заборчика стояли двое рослых парней в летных комбинезонах. Снаружи колготилась особенно густая толпа. Над площадкой на мачте реял звездно-полосатый флаг.

Американцы! – поняла Лена и стала пробираться поближе. Еще двое, с радостными коричневыми лицами, по всей вероятности, механики, с удовольствием пожимали руки сторонникам российско-американских отношений. Один из летчиков – рыжеволосый, веснушчатый, коротко стриженный парень в летном комбинезоне с нашитым на карман американским флагом, заметив Лену, дружелюбно ей улыбнулся. Стоящий рядом с Леной низенький худощавый молодой человек спрашивал летчика по-английски:

– Каким путем вы летели из Америки?

– Дозаправлялись в воздухе, потом сели на базу в Германии, потом прилетели сюда, в Москву, – вежливо стал объяснять ему американец.

Лена подумала, неужели этот простой, такой симпатичный парень может заниматься чем-то вредным для нее, для ее страны?

Ей хотелось найти ответ в его глазах, но он уже не смотрел на нее, а задрал голову вверх. Из громкоговорителя снова заиграла музыка, а потом донеслось объявление диктора и одновременно с ним в небе появились толстый, как бочка, противолодочный вертолет, с крутящейся на брюхе антенной для обнаружения лодок, и самолет «А-50» с круглой и плоской антенной, сверху покрашенной в зеленые и розовые цвета. Американцы переглянулись, и до Лены, которая стояла рядом с заборчиком, донеслось уважительное: «Авакс»! Русский «Авакс»!» И в этом шелесте букв, и в этом интересе Лене приоткрылось что-то вроде соперничества молодых петушков. Ей стало немного страшно. Она хотела уже выбраться из толпы и идти дальше, как вдруг кто-то слегка задел ее локтем.

– Сфотографируемся! Давайте сфотографируемся с американцами! – кто-то полноватый, потный, краснолицый, в светлом костюме и желтом галстуке, попятился на Лену и, отеснив ее в сторону, потащил за перегородку двух русских парней в летных комбинезонах. Гости переглянулись на миг

в недоумении, но потом поняли, разулыбались, пошли навстречу с протянутыми руками. Наши сначала немного смущались – все-таки не каждый день видишь потенциальных противников, но потом, не без помощи перевода краснорозе, освоились, засмеялись, стали дарить американцам какие-то значки. Толпа наблюдала за встречаей с неослабеваемым интересом. Лена тоже стояла, разглядывала летчиков, прижатая людьми к самой перегородке. Рядом с американцами наши парни казались пониже и как-то до обидного победнее – костюмами, телами и лицами. Лене стало даже жаль наших.

– Улыбочку! Улыбочку! Ну-ка не трусьте, обнимитесь с американцами! – пошло кривлялся за перегородкой потный дядька, наводя на летчиков объектив фотоаппарата. И Лена видела, что нашим ребятам его веселье кажется наигранным и поэтому неприятным. Американцам же было, по-видимому, все равно. Они были в гостях, и одаривать улыбками посетителей шоу входило в их культурную программу. Наконец краснолицый сделал несколько кадров и хотел уже убрать фотоаппарат, но один из наших летчиков сказал ему:

– Нас-то снимаешь, а сам хочешь остаться в тени?

– Ни в коем случае! – немного смутился и еще более покраснел краснорозий. – Я только «за»! Просто некому сфотографировать было всех вместе. – Он оглянулся в толпу и взгляд его тут же упал на Лену. – Вот нас девушка теперь сфотографирует! – Его лицо вдруг осветилось ка-

кой-то непонятной Лене досадливой и вместе с тем хитренькой мыслью. – Жаль, что Валерка ушел на взлет. Цифра-то его. Ему, если что, и отвечать.

Лена и охнуть не успела, как все они – и американцы, и краснорожий, и двое наших летчиков – уже протащили ее за перегородку и в ее руках оказался фотоаппарат. Краснорожий очень громко ржал и под шумок пристроился к нашим сбоку, чтобы на всякий случай быть в кадре от американцев подальше.

– Ну, все! Хватит! Ребята, нам пора! – Лишь только Лена раз нажала на кнопку, он выбежал из ряда и почти вырвал у нее из рук фотоаппарат, даже не сказав «спасибо».

– Нет-нет! – вдруг замахал ему руками рыжий американец. – Еще одно фото! Теперь вместе с девушкой! – Он весело взял Лену за руку и включил в их круг. – Россия, Америка! Дружба! – сказал он на ломаном русском и тоже дал Лене какой-то значок.

– Конечно-конечно! Какие вопросы! Айн момент! Русские девушки – самые красивые девушки в мире! – заголосил шутовски краснорожий, выпрыгнул вперед и снова сделал парочку кадров. Вся розовая от смущения Лена пожала американцу руку, что также было запечатлено на камеру, и наконец вся компания распалась на части. Русские летчики и краснорожий куда-то поспешно удалились, а американцам снова стали задавать вопросы. Лена пробралась сквозь толпу и пошла за летную полосу снова в поле. Возле самого дальне-

го павильона на взгорке прямо на траве сидели люди. Здесь было удивительное место. Вся наземная часть выставки расстилалась перед людьми, как на ладони, а над всем полукругом возвышалось небо.

Купол небес, откуда-то вдруг вспомнилось Лене. Она пробралась на самую макушку пригорка и тоже села на траву. Из громкоговорителя раздался громче обычного очередной марш, и диктор наиторжественнейше заговорил снова. Лене показалось, что точно такой же голос она слышала по телевизору, когда случайно прошлой весной смотрела парад на Красной площади.

– Внимание! Выступает единственная в мире пилотажная группа «Русские соколы», в составе... – Диктор стал перечислять фамилии летчиков, а Лена, так же как сотни других людей, стала обшаривать глазами небо, стараясь не пропустить появление самолетов. Но все-таки для нее, как и почти для всех, их первый пролет оказался сюрпризом. Совсем с другой стороны, откуда их и не ждали, в сопровождении оглушительного гула, бело-голубые красавцы самолеты четверкой появились над полем. Лене с ее места они были прекрасно видны, но все-таки она встала, как и почти все, кто наблюдал их полет. А голос диктора гремел над полем, сливаясь с ревом двигателей: «...высший пилотаж на боевых самолетах класса «тяжелый истребитель»! Единственная в мире пилотажная группа, выполняющая фигуры высшего пилотажа на боевых самолетах!...»

– Прямо с шоу и сразу в бой, – заметил кто-то позади Лены.

– Не хилая групповуха, – ответил говорившему голос помоложе. Лена с негодованием обернулась. Говорившие, по всей видимости, отец и сын, стояли рядом, почти сразу за ней и смотрели на самолеты. В одинаковых куртках, в солнцезащитных очках, какие-то одинаково рыхлые с хищными, полураскрытыми рыбьими ртами, они показались ей омерзительными.

– А вам так летать слабо! – сказала она в их сторону.

– Девушке, видимо, нравятся летчики, – заметил папаша.

– Да ты знаешь, курица, что у них в полку делается? – скривив пухлые губы, добавил сынок. – Все там проворовались. Уже свою гребаную символику продают.

– Не нравится, так зачем пришли? – бросила Лена через плечо и отошла. Ей не хотелось из-за разговоров пропустить захватывающее зрелище.

«Русские соколы», улетев за лес, перестроились четверкой ромбом и появились снова. Ровно над аэродромом двое крайних сделали переворот и разошлись в стороны. Оставшаяся пара приблизилась друг к другу, почти задевая носом хвост впереди идущего самолета, и так парой снова улетела за лес, но тут же вернулась, причем первый самолет уже летел вниз головой. В это же время с другой стороны из-за горизонта к этим самолетам присоединились еще четыре. Все вместе они сделали горизонтальную «бочку», диктор в это

самое время пояснил, что «Соколы» – единственная в мире группа, кто делает горизонтальную «бочку» вшестером, и снова ушли за лес. Все, кто был на аэродроме, буквально замерли от восторга. Самолеты опять вернулись, опять вшестером, и взмыли вверх практически вертикально. И только по скорости, с которой они уменьшались и превращались в маленькие серебристые крестики, можно было судить о том, насколько быстр их полет. Неужели ушли насовсем? – с сожалением подумала Лена. Но самолеты уже снова четверкой вернулись опять, построившись теперь широким ромбом. Не сдвинувшись относительно друг друга ни на сантиметр, они кувыркнулись над полем вниз головой и, будто улыбнувшись, еще покружили над зрителями, над участниками, над ангарами и киосками. Теперь им по плану предстоял прощальный проход. Снизившись на минимальную высоту, так, что стали видны все полосы, все звезды на фюзеляжах, самолеты с выпущенными шасси приняли позу кобр. Их выгнутые тела горделиво и неспешно проплывали над полем, и было странно знать, что несколько минут назад эти же самые самолеты на бешеной скорости улетали вверх, чуть не в стратосферу, и только вернулись с этой высоты. Летчики включили фонари и в самом центре поля перед толпой зрителей отстрелили ловушки. Ловушки образовали дымный разноцветный веерный хвост, и так отсалютовав, самолеты опять стремительно взмыли вверх и теперь уже окончательно улетели, на прощание качая крыльями, будто хотели сказать:

«Мы сделали, что умеем. Ну-ка, попробуйте теперь вы, если сможете!»

Лена почувствовала, что глаза ее стали влажны от слез. И большинство зрителей, а не только она одна, восхищенно молчали, переживая заново этот короткий, прекрасный полет.

Это странный и незнакомый мир. В нем существуют сильные машины и сильные люди. Наверное, они живут по своим правилам и своим законам. И хочется думать, что эти и правила, и законы честнее и лучше, чем в ее привычном мирке. Примерно так думала Лена, снова начав свое шествие по демонстрационной полосе, но только теперь в обратную сторону. Она и не заметила, что пробыла на МАКСЕ четыре часа. Устали ноги. Ей захотелось сесть. В первом же попавшемся кафе она выпила кофе и съела пирожок. Еще посидела, отстраненно поглядывая по сторонам. А в голове были самолеты. Лена в первый раз наяву видела их полет.

Пока она закусывала, демонстрационная полоса постепенно пустела. День стал клониться к вечеру. Люди тянулись к выходу. А Лена все смотрела в небо, в ту сторону, куда улетели самолеты. И небо казалось ей тревожным и радостным. И каким-то странно сиренево-голубым.

Кафе опустело. Худой официант стал вытирать ее стол. Подъехал рабочий технической службы на забавной оранжевой тележке собирать мусор. Лена поняла, что пора уходить. Она расплатилась и пошла снова по опустевшей уже полосе

в поле, к выходу. Персонал хлопотал возле техники, закрывали двери, чистили площадки.

На автобусы, развозившие зрителей к станции электричек, выстроились огромные очереди. Лена встала в конец. Откуда-то прилетел уже прохладный по-вечернему ветер. Лена поеживалась в своей курточке. Вдруг какой-то знойный и черноволосый человек гортанными криками стал агитировать пассажиров ехать с ним на его маршрутке. Маршрутное такси якобы стояло неподалеку.

– Два часа будете на автобус стоять, а на маршрутке – раз, и все в порядке! – размахивал он руками. – Э-э-э, какие люди, все бы вам халяву подавать... – горестно качал он седеющей уже головой.

Лена подумала и первая решительно вышла из очереди.

– Где ваша маршрутка?

– Молодец, дэвушка! – Водитель показал ей, куда идти. Следом за Леной потянулись и другие. Но оказалось, что автобусы в пути задерживались не просто так. На дороге от аэродрома к станции образовался огромный затор. Несколько машин ГИБДД с включенными мигалками свидетельствовали о их явном намерении блокировать дорогу всерьез.

– В объезд поедем! – не растерялся маршруточник. Не доезжая до места затора, он быстро развернулся и свернул на еле заметный проселок. Маршрутка теперь по ухабам ехала среди густого леса.

– Я здесь двадцать лэт уже живу, все тропинки знаю!

– У себя в горах бы лучше знал, – пробурчала какая-то женщина на сиденье рядом с Леной.

Очень скоро они выехали на другую, уже вполне широкую дорогу. Лена обрадовалась. Затянувшееся возвращение мешало ей снова пережить необыкновенное впечатление, произведенное на нее выставкой и полетами. Лене хотелось домой, выпить горячего чаю, сесть за компьютер, поделиться увиденным с друзьями. Особенно много друзей у Лены не было, но контакты – и после школы, и после университета – остались. К тому же были среди ее знакомых и несколько молодых людей – так, ничего особенного, но на которых она тоже не прочь была бы произвести впечатление. Но очень скоро, проехав несколько километров по новой уже дороге, маршрутка опять встала.

– Пока випов не провезут, дороги не будет, – горестно сказал маршруточник и съехал на обочину. Вперед двигаться все равно было невозможно. Он вышел из кабины и закурил. Пассажиры молча еще сидели некоторое время.

Вокруг дороги стоял густой сосновый лес, может быть, как раз из-за него и показывались в небе самолеты. Высокие стволы сосен наверху золотило вечернее солнце. Подлесок уже темнел в вечерней тени. Чего сидеть? Выйдет, подышит. Лена на всякий случай взяла свою сумку и выпрыгнула из маршрутки. Прошлась вперед по обочине, вернулась и опять остановилась. Стоять на земле было приятно – трава после августовских дождей отросла, хоть и невысокая еще, но све-

жая. Зеленая. А дальше земляные кочки утопали в рыжих прошлогодних сосновых иголках. Может, здесь даже и грибы есть, но Лена углубляться в подлесок не стала. Однако зорким глазом все-таки углядела вблизи муравейника кустик земляники. На одной веточке еще цвел кособокий запоздалый цветок, а рядом с ним под листом пряталась коричневая засохшая ягода. Лена сорвала, понюхала, подула на ягодку, бережно отерла с нее пальцами придорожную пыль, слегка поморщилась, но не удержалась – сунула ягоду в рот. Земляника оказалась горькой, сухой и все-таки ароматной.

Скоро осень. Лене стало немного грустно. Водитель – мужчина, как показалось Лене, средних лет, из небольшой серебристой машины, что съехала на обочину следом за их маршруткой, в открытое окно несколько раз с интересом взглянул на Лену. Она подобралась, но вместе с тем и отвернулась. Девушка на обочине – это как-то уж получилось слишком.

– Девушка, а ведь вы – переводчица? – вдруг услышала она у себя над ухом довольно приятный голос. Лена обернулась. Тот самый мужчина из серебристой машины стоял около нее и с интересом смотрел на нее сверху вниз.

– Нет, – удивленно сказала она. – Вовсе я не переводчица. Почему вы так решили?

– Странно, – мужчина покачал головой. – Я сначала не мог вспомнить, где я вас уже видел, а потом вспомнил. Это же переводчица!

– Нет, – Лена пожалала плечом и перекинула сумку. – Вы меня с кем-то спутали. – Она уже хотела отвернуться и забраться снова в свой микроавтобус, но мужчина вдруг как-то по-домашнему тепло сказал:

– Да подождите, у меня и доказательство есть! Не уходите никуда, – он быстро открыл дверь своей машины и взял с сиденья фотоаппарат. Фотоаппарат Лене показался знакомым. Кажется, она начала понимать. Что там говорил этот краснорожий? Камера не моя...

Лена уже с любопытством ждала, что будет дальше.

– Смотрите! – Мужчина встал близко рядом с ней, загорелся экран фотоаппарата. На Лену пахнуло удивительным запахом. Что-то незнакомое, смесь металла, резины, масла, она могла представить, что так пахнет от автогонщиков или возле доменной печи, вскользь она видела ее на картинке в учебнике химии – это был удивительный запах. Так никогда не пахли никакие Ленины знакомые. Это был запах рабочего человека, но работа у него была неизвестная Лене. Она наклонилась и взглянула на снимки. Ей бросился в глаза американский флаг, и вот она стоит среди мужчин в летних комбинезонах. Сбоку будто прячется от кого-то противный краснорожий. Он пригнул голову, так что было плохо видно его лицо, а его желтый галстук, запомнившийся Лене, запрокинулся ветром ему на плечо.

– Это совпадение, – улыбнулась Лена и посмотрела прямо на мужчину. – Я все-таки не переводчица. Но я, кажется,

знаю, как вас зовут. Вы Валерий.

– Вот это да. Таких совпадений не бывает. – Теперь он с удивлением, но вместе с тем и с улыбкой смотрел на Лену. У него были небольшие зеленовато-карие глаза и рыжеватые волосы. Он был не так уж высок, но весь какой-то очень надежный, сильный. А что производило это впечатление силы, Лена и ответить бы себе не могла.

– Да, совпадение. – Теперь ей уже не хотелось никуда ехать. Так бы она и стояла рядом с ним. – Совершенно удивительное, но совпадение. Я была сегодня на выставке, и меня один ваш товарищ попросил всех сфотографировать. А потом...

На дороге внезапно началось движение. Машины с обочин стали съезжаться на полосу, где-то впереди, далеко раздался вой мигалок. Водитель ее маршрутки бросил третий уже по счету окурок под колеса и заторопил пассажиров:

– Поехали уже, поехали!

Лена тоже интуитивно дернулась в направлении своего микроавтобуса.

– Ваши вещи все с собой? – Валерий вдруг взял ее за руку. Лена ужасно вдруг почему-то заволновалась и только кивнула.

– Садитесь ко мне! По дороге доскажете...

И Лена не стала раздумывать. Валерий провел ее к передней дверце, отгородив от других, тоже торопливо выезжающих машин, посадил ее в салон. Когда они поехали, Ленина

маршрутка уже затерялась довольно далеко впереди.

– Вы сумку поставьте назад, чтобы она вам не мешала.

И Лена послушно поставила сумку. Почему-то она как-то сразу поняла, что надо делать все, что ей скажет этот сильный незнакомый еще человек.

Довольно быстро они выехали на многополосное шоссе и помчались в сторону Москвы, не обгоняя, но и не отставая. Лена была не большой знаток вождения, но и то, как Валерий вел машину – спокойно, но уверенно, – ей тоже сразу же понравилось.

– Ну, колитесь теперь, как вас зовут? Оказывается, меня-то вы уже знаете. – Валерий, улыбаясь, поглядывал на нее.

И Лена, обычно скромная и осторожная Лена, вдруг все ему без утайки о себе рассказала. И как ее зовут, и где она работает, и что живет с мамой, а с ее отцом мама давно разошлась, и еще раз повторила, как она попала на тот случайный снимок.

– А ведь мне про вас этот мой знакомый сказал, – пояснил Валерий, – что вы – наша новая переводчица.

– Он вас разыграл, – улыбнулась Лена. – Правда, я не понимаю, зачем это ему понадобилось.

– Хотел, наверное, скрыть от меня, что нарушил секретный режим. Мы ведь контактируем с американцами строго в рамках специальной программы.

– До сих пор? – удивилась Лена.

– Так ведь и они с нами тоже так, – пожал плечами Валерий. – Они наши потенциальные противники. Хотя, конечно, сейчас совсем не то, что раньше. Мне рассказывали, что в семидесятые их на наш аэродром и вовсе бы не пустили.

– Почему?

– Зачем им вблизи смотреть нашу технику? Фотографировать будут. Потом по фотографиям изучать.

Лене стало немного жутковато, но вместе с тем и ужасно интересно.

– Я так поняла, что вы тоже имеете к этим делам отношение?

– Я летчик, – сказал Валерий.

– И вы сегодня летали? – поразилась Лена.

– Сегодня не летал. Сегодня наших летало шестеро. Трое не участвовали. Мне тоже не повезло. Дежурил возле машины. У нас на тренировке несчастный случай произошел два года назад. Начальство до сих пор осторожничают. Ну, правильно, конечно... Осторожность не помешает...

Лена слушала его со смесью недоверия и удивления. Почему-то ей казалось, что таких людей и таких профессий, как у этого Валерия, сейчас вообще нет. Ни о чем таком никто уже не говорил, не показывал, не писал... По телевизору во время парадов или в редких новостях демонстрировали только машины. А то, что кто-то управляет машинами, – это оставалось за кадром. Лена и думать никогда не думала, что может познакомиться с таким человеком. Сама эта поездка

с Валерием, их разговор казались ей нереальными, как будто она смотрит какой-то фильм. И в то же время ей ужасно не хотелось, чтобы их знакомство закончилось просто так. Вот он довезет ее до какого-то места. Может быть, всего лишь до метро, а не до дома, и она должна будет уйти. А он останется в своей необыкновенной жизни, и она больше никогда ничего о нем не узнает. С другой стороны, чего это она так озаботилась? Ведь очень вероятно, что он женат и у него есть дети...

Подмосковные города внезапно закончились, машина замедлила ход, встраиваясь в новую пробку. Четыре полосы были перегорожены – строилась новая дорожная развязка.

– Знаете, а если бы вы были переводчицей, я бы вас еще проще нашел! – сказал вдруг Валерий.

– А зачем? – даже как-то оробела Лена.

– А вы мне понравились.

Лена растерялась, не зная, как себя вести. Такого напора в отношении нее никто, пожалуй, еще не демонстрировал.

– Вы это всем сразу говорите? – У нее даже в горле немного пересохло.

Валерий немного помолчал. Протянул руку, включил музыку.

– А чего тянуть? – Машина практически стояла среди десятков других машин. Я человек серьезный, с серьезными намерениями. – Он, снова улыбаясь, будто изучающе разглядывал Лену. Ей вспомнилась фраза из какого-то фильма. Ее

часто в разговоре употребляла Ленина мама. Сейчас она к месту или не к месту всплыла в Лениной памяти.

– Приходите ночью на сеновал, не пожалеете! Вы привлекательны, я – чертовски привлекателен, – сказала она. – Не так ли?

Но Валерий не обратил на этот выпад никакого внимания.

– А вы ведь, – он немного подождал, пропуская сбоку другой автомобиль, – надеюсь, не замужем?

– Я – нет, – даже немного испуганно ответила Лена. И набравшись храбрости спросила: – А... вы?

– И я не замужем, – сказал Валерий, махнул в окно другому водителю и выбрался из пробки. Дальше они мчались к Лениному дому, оставив позади широкие проспекты, пробираясь по узким из-за везде припаркованных машин улицам.

Ленин район был не пафосный, но и не бедный. Обычная девятиэтажка утопала в зелени деревьев. Березы дорастали почти до крыш. Пониже набухали колючие шарики каштанов. Еще ниже зеленели кусты сирени и жасмина.

– Хорошо тут у вас, – Валерий почти подъехал к Лениному дому.

– Не жалуюсь. И до метро пешком пятнадцать минут. – Лена соображала, где бы ей лучше выйти. Прежние улыбки, перегляды, смущение – все куда-то исчезло, ушло. Осталась усталость и ощущение чего-то недоделанного. Ей уже стало немного досадно, что она вот так сразу, как это говорят, «повелась». Сейчас они въедут в ее двор, она выйдет из машины,

и ничего больше не будет. Значит, не судьба. – Лена не относилась к тем девушкам, кому хотелось замуж любой ценой.

– А у нас в степи сейчас сушь. – Так Лена узнала, что Валерий пока служит в далеком военном гарнизоне. При каком-то таинственном институте, и как она поняла, занимается испытаниями самолетов. Вопрос о его переводе в команду «Соколов» – уже вопрос решенный. Все дело в квартире. Когда ее дадут?

– А у тебя большая семья? – Она спросила это уже без стеснения, как спрашивает товарищ. И вдруг услышала:

– Моя жена утонула в прошлом году. Мы были в санатории на Черном море. А сын живет сейчас у моих родителей.

– А сколько ему сейчас? – спросила она. Сразу в душе забила какая-то нотка – жалостливая и тревожная. Ей опять стал близок своим несчастьем этот почти незнакомый человек.

– Шесть лет. Скоро в школу. Как только переведусь, сразу заберу его сюда.

– А у меня нет детей, – жалобно зачем-то сказала Лена.

– Будут еще. Нам во двор?

– Не обязательно. Я могу выйти и здесь, на углу.

Но Валерий все-таки доехал до ее подъезда.

– Ну, счастливо? – В ее голосе не прозвучал вопрос, хочет ли он ей позвонить. И Валерий тоже не спросил ни телефонный ее номер, ни адрес электронной почты. Лена не то чтобы обиделась, как-то не поняла, а зачем он все-таки ее

подвозил? Она вошла в подъезд и уже с лестницы услышала, как уехала его машина.

В течение всей следующей недели никакого продолжения этой истории не было, и Лена, поначалу почти постоянно вспоминая Валерия, начала уже постепенно забывать о своем неожиданном знакомстве. Хотя ощущение силы и защищенности, которые она уловила в этом человеке, остались. Не мог он просто так исчезнуть, думала она. Может быть, снова улетел куда-нибудь? И вдруг в субботу увидела серебристую машину около своего подъезда. Она замедлила шаги, не зная, как себя вести. Валерий появился с тортом и букетом роз.

– Я пришел познакомиться с твоей мамой, – сразу сказал он, как только она подошла. Лена даже не улыбнулась, от неожиданности стала лихорадочно вспоминать, а вообще заправлена ли у нее в комнате постель.

– Ты не смущайся. Я ведь не на парад пришел.

Она пожала плечами. Ну, что же, пусть будет, как будет.

Когда она познакомила Валерия с мамой, тот вел себя так, будто они с Леной уже давным-давно знают друга. Потом он стал приезжать каждое воскресенье. А через месяц объявил, что получил перевод и комнату в общежитии. И что они с Леной должны пожениться к Новому году. А в октябре месяце он будет выступать на авиасалоне под Парижем.

Когда в горячке я согласилась ехать в Париж, я и понятия не имела, в какие ввязалась хлопоты. Во-первых, мне понадобился загранпаспорт, которого у меня не было. Во-вторых, хоть Лена сама выбирала и туристическую фирму, и отель, деньги за свою долю все равно должна была дать я. Моя экономия, связанная с отвратительным аппетитом, в конце концов, сыграла мне на руку. Оплатить путевку я смогла сама. Но совсем без денег ехать в Париж, это было бы по меньшей мере странно. Я ткнулась к нескольким оставшимся знакомым – всюду получила отказ. Один из телефонных разговоров на эту тему услышала моя мать.

– Если ты хочешь поехать отдыхать, конечно, мы с папой дадим тебе деньги.

Чуть не с первого же дня моего романа с НИМ мои родители, случайно увидевшие нас на улице, высказались о моем избраннике резко и несправедливо. Он, в свою очередь, никогда о них дурно не говорил, но он с ними практически и не был знаком. Но даже если бы и познакомился поближе, это мало что изменило бы. Его такие вещи не интересовали. Свой выбор сразу же сделала я, и не в пользу родителей. Примерно с этого времени между нами будто установилась высокая непробиваемая стена. Меня раздражало любое их участие в моей жизни, и если раньше я бывала испугана

и шокирована некоторыми неосторожными высказываниями моей матери, то последние десять лет я попросту не слышала, что она мне говорит. Возражать было бесполезно, да мне и не хотелось возражать. А после ЕГО смерти это было бы и бессмысленно. Мы ограничивались редкими замечаниями. Отца я видела еще реже – он много работал. Когда он приходил, мать кормила его в кухне, а я не выходила. Меня подташнивало от запаха еды. Иногда я слышала, как он спрашивал у матери обо мне.

– Как Танечка?

– У нее болит голова, – был почти неизменный ответ. Меня он вполне устраивал.

Сейчас мать стояла в коридоре с вытертой старой сумкой. Когда-то из этой сумки мне выдавались деньги на завтраки в школе, потом на кафе в институте.

– Отдашь, когда сможешь, – сказала мне мать, подавая пачку денег. Если бы она не сказала, что «в долг», я бы их никогда не взяла. Но сейчас я неуверенно протянула руку.

– Я очень рада, что ты поедешь. И даже не спрашиваю – куда. Куда бы ты ни поехала – это должно пойти тебе на пользу, – сказала мать. Я ничего не ответила на это. Почему она все время вмешивается в мою жизнь? Какое ей дело, куда я собираюсь? Это она нарочно сказала, что ничего не спрашивает, а потом с отцом наверняка будут обсуждать это каждый день, пока я не уеду. А если я скажу, что собираюсь в Париж, она наверняка припомнит ту мою давнюю поездку...

Язык мой не повернулся сказать «спасибо». Я стояла с деньгами в коридоре, как ледяной столб, пока она не ушла. Потом я вернулась в свою комнату и долго сидела, разглядывая деньги. Они жгли мне руки, застилали глаза. Несколько раз я порывалась встать и вернуть их. Но мысль о том, что если я не поеду сейчас, то я уже никогда в Париж не поеду, заставила меня остановиться. Я и сама не подозревала, как много значила для меня сама эта идея – Париж. Я ведь была там счастлива. Несколько дней сплошного счастья. За это, в принципе, можно было бы отдать жизнь. Если пересчитать на Москву – здесь за десять лет у меня вряд ли набралось бы столько дней такого безоблачного, щенячьего восторга. А ведь я там плакала. Да, сейчас я вспомнила, что я плакала в Париже. А здесь, в Москве – слезы не лились. Они окаменели внутри меня. Я вдруг вспомнила, что в Англии жила такая королева – Виктория. Она после смерти своего мужа, принца Альберта, устроила в своем дворце траурный зал, в котором просидела несколько лет, почти никуда не выходя. Она носила черное и все плакала по своему горячо любимому супругу. Она даже не приходила на открытия заседания парламента, и англичане стали этим очень недовольны, потому что они хотели видеть свою королеву. И вот однажды к ней пришли ее министры и сказали, что, поскольку она является действующей королевой, ей пора выходить и приниматься за работу. И она вышла, видя в этом свой долг, но, видимо, печаль ее сидела в ней так глубоко, что она пере-

стала влезать во все тонкости управления государством, и это как раз способствовало тому, что английская монархия стала выполнять больше представительские, чем управленческие функции. Конечно, это звучит как лекция, которую я читаю студентам, но это вообще-то моя особенность. И ОН тоже всегда говорил мне, что нужно «повышать образность языка». Боже, как я была благодарна ему за замечания! Не хуже, чем сама Виктория, которая почти во всем следовала советам своего принца Альберта. Но я – не королева. Какое уж тут государство? Я все никак не могу управиться с собственной жизнью. А впрочем, собственная жизнь – разве это тоже не госудаство, в котором ум – парламент, а руки-ноги – армия? Господи, как ОН бы посмеялся надо мной за эти мои фантазии... ОН был гениальным поэтом.

Он был безумно талантлив, мой друг. Но зарабатывал деньги тем, что писал какую-то халтуру. Сценарии сериалов. Он сам даже не говорил никогда о том, что пишет. Когда я приходила к нему и с благоговением спрашивала, над чем он сейчас работает, он отрывался от компьютера, прищуривал глаза и рисовал мне словесные картины, будто смотрел через видоискатель камеры. Он мог рассказывать что угодно – я слушала и восхищалась, потому что его рассказы были и в самом деле достойны восхищения. Он рисовал мне картины: как голубеют и блестят на солнце вершины гор, как спотыкаются измученные лошади, и краснокожие воины с раскрашенными лицами ведут их под уздцы, и камни падают из-

под копыт прямо в пропасть. Как достойно сидят в повозках под шерстяными пологам их женщины, завернутые в красные одеяла, и держат у груди сморщенных, смуглых детей. И эти картины были совершенно отличны от тех, которые потом воплощались в экранной жизни.

– Танька, деньги еще никто не отменял, – говорил он.

Но, как я могла заметить, денег у него почти никогда не было. Он не умел с ними обращаться. Он их не любил. И когда они появлялись, растрачивал их, не считая, на всякие глупости. Мы тогда и в Париж поехали на неожиданно свалившийся на него гонорар. Он вел переговоры, чтобы открыть в Париже выставку своих фотографий – он ведь еще чудно фотографировал. Правда, когда мы туда приехали, того человека, с которым мой друг вел переговоры, на месте не оказалось, тот зачем-то должен был срочно улететь в Штаты. Но, как оказалось, мой друг несколько из-за этого не расстроился. Уже потом я узнала, что в Париж он, похоже, сбежал. Его третья жена вроде бы родила ему ребенка. А он говорил, что ребенок не от него, и поэтому он не хочет ехать в роддом. Я была счастлива, потому что надеялась на его развод...

Но это я узнала потом, а в Париже я даже не знала, что он, оказывается, в третий раз официально женился. По большому счету, это не имело для меня никакого значения. Ведь мы и познакомились, когда он уже был женат. Только на своей первой тогда жене. Однако любил он всегда только меня.

Только меня...

Кстати, это именно он пристрастил меня к кофе. Он пил его постоянно. Он обожал жевать кофейные зерна. Он говорил, что они придают ему бодрость, как индейцу на горном перевале, уставшему от трудного пути. Это было правдой. Ему было от чего устать. Вся его жизнь была войной. За себя. Он много лет искал себя, и он искал тех, кто сможет его оценить в полной мере. Он выдавал халтуру на-гора, но я-то знала, что в его столе лежат прекрасные куски никому не нужных произведений. Гениальные отрывки чудесных сценариев, сотни страниц незаконченных романов, целые действия брошенных пьес. Он почему-то не мог ничего закончить. Бросал, загораясь новой идеей, работу, на которую потратил много времени.

– Почему ты бросил? – спрашивала я его.

– Потому что это – говно. – И он расписывал мне замечательные новые проекты. Восхитительные идеи. Они были чудо как хороши. Только чтобы их воплотить, у него всегда не было времени и не было денег. У меня тогда денег тоже было немного. Как, впрочем, и сейчас. И вот я смотрела на эти бумажки, что дала мне мама, и думала – как это гадко с моей стороны – пользоваться ее деньгами. Она ведь терпеть не могла ЕГО. С другой стороны, мой друг часто брал деньги в долг. Я возьму в долг, – решила я. И обязательно отдам, что бы ни случилось. После этого мне стало легче. И вся моя затея с поездкой с этого дня получила реальное воплощение.

Я доведу дело до конца. Я поеду. Может быть, в Париже мне повезет, и я снова увижу ЕГО, хотя бы во сне. Мне очень не хватало снов, в которых я была бы вместе с ним. Я потихоньку начала собираться.

* * *

Внезапно оказалось, что у Лены в Париже была двоюродная или троюродная тетка. Нельзя сказать, что Лена совсем не слышала о ней, но редкие разговоры в семье о какой-то Маше, которая была намного старше ее и когда-то давным-давно неудачно вышла замуж за какого-то француза, Лену не очень волновали. Однако мама вдруг сказала:

– В случае чего, в Париже есть к кому обратиться. Маша живет там уже лет двадцать. Совсем ее теперь, наверное, не узнать, – и вздохнула.

Лена засомневалась:

– Она о моем существовании и знать не знает.

У матери в кухне подгорали оладьи.

– Не знает – напомним. Родных-то нехорошо забывать. Она и у своей-то матери не была лет десять.

У Лены возникло чувство раздражения. Зачем ей еще какая-то тетка?

– Стоит ли беспокоить? – сказала она. – Я ведь еду не одна, можно сказать, с подругой. И у Валерия будет совсем мало времени. Мне хочется там с ним больше побыть.

– Посмотришь по обстоятельствам. Но Машин телефон я тебе все-таки дам. И сама ей позвоню. На всякий случай, мало ли что. – Ленина мама за свои сорок пять лет за границей так ни разу и не была. Некогда было, да и больше ей хотелось куда-нибудь в Трускавец, подлечиться. Да и сама Лена только пару раз отдыхала в Турции и один – в Египте. Поэтому поездка в Париж ее тоже волновала. Как оно все там будет?

– Ладно, позвони.

– Вот и хорошо. А сейчас иди, ешь оладьи.

Мамины оладьи всегда были объединение – нежные внутри, снаружи с хрустящей корочкой. Но сейчас у Лены кусок не лез в горло. С тех пор, как объективно наметились у нее перемены в личной жизни, Лена места себе не находила. Кажется, и понимала – вот она, судьба, а в то же время настроение было какое-то паршивое. И все время на душе скребло – правильно ли она поступает, не ошибается ли?

«Ну что я извожу себя? Что неправильно?» – стараясь успокоиться, спрашивала она себя каждую свободную минуту, как только оставалась одна. И сама себе отвечала: вроде все правильно, вроде повезло – я встретила хорошего человека. Надежного, достойного. Но это были не ее собственные слова, а будто она слышала, как кто-то этими словами говорил про Валерия со стороны. Ей же самой хотелось другого. Ей хотелось любить очертя голову, бежать на свидания не раз в неделю по расписанию, а как только зазвонит телефон. Ей хотелось получать эсэмэски с безумными словами, слышать

милые глупости и самой наговаривать их в телефон...

Но ты тоже уже не семнадцатилетняя дурочка, – уговаривала себя Лена. Тебе самой-то сколько? Уже двадцать пять! А Валерию вообще под сорок, что же ты хочешь, чтобы он каждый день приезжал встречать тебя после работы с цветами? Да у него на это совсем нет времени. То он на полетах, то еще где-то... Но в то же время в ответ на все эти разумные слова сердце ее бешено колотилось: хочу! Хочу и эсэмэсок, и цветов, и глупостей, и прогулок под дождем, хочу всего! Хочу, потому что в семнадцать лет у меня этого не было. Мне пришлось много учиться, чтобы всего добиться самой. Самой поступить в университет, самой найти работу, самой зарабатывать и еще по дому маме помогать. И я очень хочу, чтобы у меня все было, как у других. Как у моих подруг, как в кино, как в книгах. Красивая любовь. Это так здорово!

Это так глупо! – сказала бы ей мама, если бы Лена ей рассказала о своих мыслях. Но мама ничего не говорила, потому что дочка все понимала сама. Понимала, и все-таки тосковала. Валерий оказался мужчиной солидным и обстоятельным. Он ничего не делал не обдумав и впопыхах. Он ей всегда заранее звонил и обо всем обстоятельно договаривался. Он просчитывал заранее разные мелочи, вплоть до всех возможных вариантов развития самых незначительных событий. Например, когда они ехали в кино, он проверял маршрут по трем разным источникам. Лену это и умиляло и раздражало одновременно.

– А если проверить по одному источнику, что-нибудь изменится? – спрашивала она.

– Один источник может не учесть все варианты подъезда к назначенному месту. Мы попадем в пробку и не будем знать, как выбрать другой путь, – не понимал Валерий.

– И пусть. Постоим в пробке. Разве ты не хочешь побыть со мной?

– В пробке? – смеялся он. – Не хочу. Для этого есть более приятные места.

Она смеялась тоже, но все-таки, все-таки... Проницательный человек сказал бы, что Лене не хватает романтики. Возможно, она как раз была из числа не часто уже теперь встречающихся девушек, для которых внешние проявления любви составляют самую суть отношений, а может быть, она действительно «пробежала» тот возраст, когда взгляды и слова важнее, чем дела. Во всяком случае, безоглядно, безмерно счастливой Лену в этот период ее жизни назвать было нельзя. Хотя она и уважала своего жениха, и гордилась им, и, по старой русской женской привычке всех жалеть, даже жалела его. Хотя, спрашивается, в чем было жалеть молодого здорового мужика, к тому же занимающегося своим любимым делом и собирающегося жениться на прелестной, тоже здоровой и неглупой девушке? А вот жалела. Жалела даже за то, что, когда незадолго до отъезда была с ним в гостях, на юбилее у Валериного командира, жена именинника, отловив Лену в уголке, спросила:

– Я слышала, ты, девочка, замуж за него собираешься? – И, не получив вразумительного ответа, потому что Лена даже не нашла, что сказать этой полной женщине с участливым лицом, так непривычен и неожидан был вопрос, услышала: – Это хорошо. Будешь за ним, как за каменной стеной. Хотя Валерий человек не простой...

Надо же, какие у них тут отношения. Какое дело этой тете, на ком он женится и кто за кого замуж выходит? Можно подумать, она может что-нибудь изменить? Лена и не подозревала, что жены командиров в военных гарнизонах все равно что королевы-матери – законной власти не имеют, но влиянием обладают огромным. И когда поделилась с Валерием своим недоумением и узнала реальное положение вещей, тогда и пожалела его. Боже, под каким же прессингом находятся эти люди! Мало того, что в небе каждый день приходится рисковать жизнью, так еще на земле никакого покоя! Естественно, что давно привычная Валерию гарнизонная среда была абсолютно по духу непонятна Лене, нигде, кроме родной столицы, никогда не жившей.

– Пошли к столу! – обняла Лену тогда за плечи хозяйка. – Радоваться надо, что такой парень тебя полюбил. А будешь кукситься – и не заметишь, как уведут!

Лену напугали ее слова. Нет, она не хотела потерять Валерия. Конечно, он был из другого мира, в котором шла некая таинственная, очень важная и ответственная работа. Этот мир населяли сложные и умные летающие машины, призван-

ные выполнять некую таинственную миссию – секретную и опасную. И вместе с тем в виде неких подводных течений постоянно присутствовали какие-то внутренние интриги, постоянные разговоры о повышениях по службе, переводах и окладах, о служебных и «настоящих» квартирах...

Это все вместе Лене тяготило. Она тогда весь вечер молча просидела рядом с Валерием за юбилейным столом, воспитанно улыбалась шуткам, значения которых не понимала, и думала, что все это – жизнь Валерия. И она должна отдать свою жизнь ему. Иначе ничего не получится. И нужна ли ей его жизнь? Положа руку на сердце, Лене было страшно.

И еще ее тяготило то обстоятельство, что некоторые из гостей наверняка знали первую жену Валерия. А все то, что было связано с прежней его жизнью, Лене хотелось отмести, вычеркнуть. Не знать ничего самой и дать забыть ему. Начать с нуля. Это был самый лучший выход для них обоих – так ей казалось. Ей вообще казалась странной эта история – молодая женщина приехала с мужем и сыном отдыхать в санаторий, вдруг идет купаться ночью, одна, чуть ли не в шторм... В комнате остаются муж и ребенок, которому уже давно пора спать...

Распрашивать у кого-то подробности этой истории было неприлично, поэтому Лена делала вид, что прошлая жизнь Валерия ее совершенно не касается. Она даже не подозревала, что ей хотят устроить негласные смотрины. Ей было бы странно узнать, что ход ее жизни мог бы зависеть от мнения

командира Валерия и его жены. Конечно, не настолько, что Лена рисковала своим замужеством, однако мнение командира имело для Валерия огромное значение – от этого человека зависело и продвижение по службе, и получение квартиры, да и в общечеловеческом смысле мнение командира, его жизненный опыт, а также опыт его супруги невозможно было обойти вниманием. И хоть тот вечер прошел для Лены ужасно скучно, на самом деле он сыграл важную роль в ее жизни. Прощаясь с командиром, Валерий невольно сделал легкую паузу, слегка задержав свою руку в его руке. Тот весело и со значением хлопнул Валерия по плечу. Его жена возле двери ласково поправила на Лене косынку.

И после этого вечера Валерий в разговорах с Леной стал совершенно откровенен относительно планов на будущее, и вообще стал с ней говорить о таких вещах, которые должны быть интересны только близким людям. И Лена уже относилась к нему, как к родному человеку. А когда Валерий сообщил ей о своем плане их совместной поездки в Париж, у нее на глаза даже навернулись слезы восхищения. Вот оно – романтическое путешествие! Впереди ее ждали приятные хлопоты и великий город, в котором она будет себя ощущать не обыкновенной туристкой – Валерий обещал, что она поедет в Ле Бурже на авиасалон. Как это должно быть здорово! А впереди ее еще ждала красивая свадьба. Валерий продумывал все детали до мелочей. Нет, с какой стороны ни посмотри, а жизнь сделала удивительный поворот. И сердце Лены

замирало не только от тревоги, но и от восторга.

* * *

Если Лениной тетке Маше, то есть теперь уже давно Мари, к тому времени, когда началась эта история, исполнилось сорок лет, мне было тридцать четыре, а Лене – двадцать пять. Таким образом, три разновозрастные российские, как бы это получше выразиться, «тетки» – молодая, постарше и еще раз постарше – встретились однажды осенью в парижском аэропорту Шарля де Голля, не представляя, к чему это их приведет. Мы совершенно друг друга не знали и не жаждали узнать. Если бы не обстоятельства, мы никогда не увидели бы друг друга и не стали бы друг другу близкими и нужными. И мы не разошлись бы потом с таким непредсказуемым результатом. Короче, когда наш самолет приземлился, мы с Леной вышли, разинув рты следуя указателям со словом «*sorti*»¹, каждая в своих мыслях, как две чокнутые дурочки.

У меня в голове вертелось «сортир». И эта вбитая в меня со школьных времен неопределенная форма французского глагола «выходить» приобретала в моих мыслях простейшее утилитарное глумливо-практическое значение. О чем дума-

---

¹ *Sorti* – выход (фр.).

ла Лена, я не знала. Тем не менее, следуя указаниям «к выходу», мы оказались в зале прилета в толпе встречающих. Много там было разных людей, в том числе и представителей турфирм с табличками с соответствующими названиями. Мы быстро отыскивали свою, но до времени остановились в сторонке. Лена искала глазами женщину, которая могла бы быть похожей на ее троюродную тетку. Я тупо стояла возле нее. Воспоминания пока не одолевали меня, аэропорт я не помнила, свой прежний приезд сюда – тоже. Может быть, это было оттого, что прошлый раз мы с НИМ по горло накачались виски в дьюти-фри, а потом еще и вином в самолете. И начальный этап поездки остался, если можно так выразиться, за пределом моего сознания. Смутно я помнила, что нас кто-то тоже встречал, а потом до гостиницы мы ехали в автобусе. Потом, добравшись до комнаты, целовались и обнимались как безумные. Подробности же стерлись из памяти, как становится нечетко-тусклой иллюстрация в очень старой книге. Поэтому, лишенная воспоминаний, я просто стояла как столб, ожидая, куда меня дальше поведет Лена. Лена же с затравленным видом все озиралась по сторонам, пока не увидела элегантную молодую даму, решительно шагнувшую к ней через толпу.

– Леночка?

– Тетя Маша! – Лена кинулась в раскрытые незнакомые, но вроде бы родные объятия. Встреча в Париже состоялась. История началась.

Ленина тетка оказалась хрупкой, невысокой блондинкой. Я знала, то есть Лена сказала мне в самолете, что в аэропорту нас будет встречать ее родственница, которая живет во Франции уже двадцать лет, но почему-то воображала себе Машу именно теткой – полной, пожилой, небрежно одетой и возможно даже с усиками над верхней губой. Когда же мы с Леной увидели, что изящная женщина в светло-сером костюме, с голубой косынкой на шее под цвет ее глаз подходит к нам с листком с отпечатанными на нем Лениными именем и фамилией, мы обе удивились. Лена – тому, какой неожиданно приятной внешне оказалась ее родственница, а я – своим наивным представлениям о том, какими должны быть тетки.

– Тетя Маша, – после объятий Лена затараторила так, будто боялась, что Мари сейчас бросит ее и уйдет. – Вам вся Москва передает привет: и тетя Олеся, и дядя Игорь, и...

Впервые за несколько лет мне стало неудобно: зачем я мешаюсь у них под ногами? Мне захотелось тут же уйти – как-нибудь добраться до гостиницы (я даже забыла, что нас ждал автобус, впрочем, ваучер все равно был у Лены) и дальше быть одной, но... Я услышала голос Мари и опомнилась. Она стояла передо мной и протягивала мне руку. Рукопожатие Мари было прохладным и суховатым.

На фиг я ей сдалась, а она – мне.

– Аншанте! – тут же выскочило вперед меня слово из моего школьного прошлого.

– Аншанте, – улыбнулась Мари. Вокруг глаз у нее, конечно, были морщинки, но, положив руку на сердце, я никак не дала бы ей лет больше моих.

Лена, торопясь, извлекала из сумки кулек.

– «Мишки на севере», «Мишки косолапые», «Белочка» и «Столичные», – она нелепо суежилась возле Маши. – Мама сказала, что вы, наверное, соскучились по московским конфетам.

– Почти все туристы в сборе, но нет... – Я вдруг услышала наши с Леной фамилии. Это полноватый мужчина в желтой футболке с логотипом нашей турфирмы, надетой прямо поверх куртки, разговаривал возле меня с кем-то по мобильному телефону.

Я опомнилась:

– Лена, нас ищут! Ты поедешь с нами в гостиницу или как? – Лена осторожно взглянула на Мари. Та только вежливо и немного холодно улыбнулась.

– Конечно, в гостиницу! Мы ведь решили! – Лена засмеялась будто чему-то веселому, тряхнула головой в повязанной косынке – она, как я поняла, любила носить косынки завязками на затылке под волосами – они ей шли – делали этакой озорной девчонкой, и отыскала в сумке наши документы.

– Вы в нашем списке последние. – Наш трансферист про-

верил свои бумаги и повернулся к Мари:

– А вы, мадам?

– Нет, я только встречаю.

– Как жаль, мадам, – он окинул Мари тем одновременно вежливым и восхищенным взглядом, каким большинство мужчин смотрят на хорошеньких женщин, и я почувствовала что-то вроде малюсенького укола ревности. Про меня бы он так не сказал. И одновременно с этим я поняла, что его взгляд – это не только мое впечатление о внешности Мари. Пожалуй, она не просто хорошенькая, хоть уже, так сказать, и «в возрасте». В ней есть нечто, что привлекает мужчин и чего нет во мне. Я посмотрела на Лену. Есть ли это в Лене? Я не поняла. Мне показалось, что тоже нет. Лена была самая обычная, и только эта ее темная косыночка в веселенький цветочек придавала ей какое-то сельско-пейзанское очарование.

Парень в желтой майке пригласил всех в автобус.

– Вам нужно сначала устроиться в гостиницу, а потом поедem ко мне, – сказала Мари. – Я живу совсем рядом с Эйфелевой башней. Очень удобно – вечерами я могу читать, не включая свет.

Трансферист, прислушивающийся к ее словам, заметил:

– Это очень удобно, мадам, экономия электричества. Но, наверное, нужно иметь плотные шторы, чтобы свет не мешал ночью?

– Мне не мешает. Я хотела бы поехать с вами и подождать

моих девочек в гостинице.

– Конечно, мадам! – Трансферист оглядел нас с Леной, как будто желал убедиться, что мы с ней достойны такой чести, и повел всю группу в автобус. Он хотел посадить Мари на первое сиденье поближе к себе, но она со скромной элегантностью отвергла его приглашение и прошла в самый хвост автобуса. Как раз туда, куда хотела бы сесть я.

– Садитесь с Леной. Вам, наверное, есть о чем поговорить, – и я с невежливой настойчивостью отодвинула Мари на ряд вперед. Она насмешливо взглянула на меня, но ничего не сказала, действительно села с Леной, а я устроилась у окна в одиночестве. Там, где хотела, в последнем ряду, и где окна наполовину были задернуты занавесками. И, когда автобус тронулся, я вдруг незримо почувствовала того, кто раньше сидел рядом со мной.

* * *

В тот ранний вечер, в который в квартире Мари раздался телефонный звонок из Москвы, она оказалась дома совершенно случайно – вот так оказываются наказуемы слишком ранние уходы с работы. Но Мари как раз не была халтурщицей и лентяйкой. Опять-таки случайно в тот вечер вырубился Интернет в ее небольшой конторе, и месье Дюпон, которому она верно служила уже лет семь и с которым вместе поднимала его фирмочку, оптом закупающую и доставляющую

разнообразные сувениры во всевозможные парижские ларьки, отпустил ее домой. Мари была одновременно и секретаршей, и логистиком, и специалистом по рекламе, но зарплату получала только одну. Мари теперь сносно говорила еще на трех языках, кроме родного, так что Дюпону при необходимости она заменяла еще и переводчицу. Поэтому он и согласился отпустить ее пораньше. Но, несмотря на загруженность, Мари вовсе не жаловалась на свою жизнь. Платили ей, даже учитывая одну зарплату, неплохо, мужа у нее уже давно не было, детей тоже... Однако тем приятней обещал быть для Мари свободный вечер. Впрочем, Мари не считала себя одинокой. У нее была Лулу – маленькая беленькая собачка – лохматая и не особенно породистая, зато преданная хозяйке всем своим собачьим сердцем. Лулу было уже порядочно лет – никто не знал сколько, потому что она перешла к Мари по наследству – вместе с квартирой. Хозяева продавали квартиру с условием, что новая хозяйка возьмет их щенка, сами они куда-то уезжали. И когда Мари пришла за ключами, она увидела Лулу, вжавшуюся в угол возле входной двери. Казалось, собачка поняла, что она останется, когда другие уедут. Мари стало ее жаль. Она взяла ее на руки и стала говорить с ней по-русски. Собачка поняла слова утешения. Они стали неразлучны. Вернее, Лулу, будто понимая, что хозяйке необходимо работать, легко переносила одиночество в квартире по будним дням, но в воскресенье... О, воскресенье принадлежало безраздельно ей и Мари. В вос-

кресенье Лулу категорически возражала, если Мари куда-то уходила без нее. Мари иногда даже казалось, что в ее отсутствие Лулу тщательно изучает календарь – так безошибочно она выделяла именно воскресенье из целой недели рабочих дней. Воскресенье было праздником для Лулу. В воскресенье они поздно вставали, валяясь вдвоем в постели сколько хотели. Потом шли пить кофе на крышу. Да, да. Из квартиры Мари, как и из некоторых других квартир этого дома, был выход на крышу. Крыша была поделена на небольшие отсеки перегородками, вроде тех, которыми у нас перегораживают лоджии в многоквартирных домах. Кстати приобретение этой квартиры Мари считала своим основным жизненным успехом. Иногда Мари задумывалась, чем еще она могла бы похвастаться в жизни? И как-то получалось, что, в общем, ничем. Ее внезапное и неожиданное замужество, казавшееся дома волшебным, быстро окончилось счастливым разводом без всяких сожалений. Уже через несколько месяцев совместного проживания муж произнес весьма обидную для ее слуха фразу: «Какие-то вы, русские, странные – не понимаете обычных вещей». И поскольку тут же оказалось, что своей молодой русской жене он предпочитает старую французскую любовницу, Мари с грустью констатировала, что она, наверное, действительно чего-то не понимает в их отношениях. И поскольку у мужа на поверку не оказалось ни денег, ни какого-то более-менее прочного положения, и это он, наоборот, рассчитывал, что Мари сразу же, чуть ли

не с первых дней ее пребывания в новой стране начнет искать работу, что в принципе было невозможно, разве что как сразу пойти в уборщицы, Мари, может быть, даже несколько прагматично рассудила, что, по-видимому, ей лучше сразу расстаться с ним, не дожидаясь появления детей, и отправиться самой в свободное плавание. Лучшей доли – в смысле нового мужчину – Мари искать не хотела, к тому же ей было просто некогда. Переменив несколько работ, она наконец нашла Дюпона, взяла кредит в банке и купила вот эту свою крошечную студию с выходом на крышу. Сейчас кредит был практически уже выплачен, но Мари не хотела брать новый. Ей нравилась ее квартирка. Нравилась она и Лулу. И к сорока годам Мари как-то успокоилась. Решила, что будет жить спокойно, свободно, делать, что хочет, лишь бы была вместе с ней Лулу. О возрасте Лулу Мари предпочитала не думать.

Вот так они и жили возле самой Эйфелевой башни в районе современной застройки, очень напоминающей московские шестнадцатизэтажки, неподалеку от площади Трокадеро. Конечно, это не Пасси и не авеню Бурдонне, на которой звон колокола церкви Дома инвалидов сливался весной с гудением шмелей. В ней кроме так называемого холла площадью семнадцать метров был еще крохотный открытый кухонный отсек и ванная комната с настоящей ванной. В ванной стояла газовая горелка, а в кухне не было большой плиты – она не помещалась, а только маленькая плиточка. По московским меркам, квартирка Мари была даже меньше, чем

хрущевка, но Мари и Лулу были совершенно довольны своим положением. Мари очень нравилось жить на самом верху, на шестнадцатом этаже. На крыше, на крошечном участке бетона, Мари разместила кадучку с рододендроном, в апреле бешено покрывающимся махровыми желтыми соцветиями. Вдоль перил у нее располагались горшки с вечно зеленым плющом и геранью, и, когда герань отцветала, плющ живописно оплетал стену и решетку балкона, как в средневековых замках. Иногда в веточках плюща запутывались какие-то насекомые, и тогда Лулу с гавканьем бросалась на них. Когда было солнце, Мари выносила на крышу складное кресло и загорала. Лулу грелась возле нее на специальном коврике, а в жару пряталась в тень балконной решетки. Когда Мари пила лимонад, Лулу просила сливки, которые Мари покупала специально для нее. В дождливую же погоду по воскресеньям они обе любили где-нибудь пообедать. Для этого они ехали на автобусе до вокзала Монпарнас или на такси в район площади Одеон или Люксембургского сада. Мари тогда смотрела на дождь за окном, на идущих мимо нее прохожих. Она заказывала себе утку, выпивала бокал красного вина и чашку кофе. Лулу утиное мясо не любила, поэтому довольствовалась собачьим паштетом, припасенным для нее специально. Мари иногда курила, а Лулу, обожавшая запах тонких сигарет, лежала у нее на коленях, согреваясь от газовой горелки, и согревала своим теплом Мари.

Мари не любила вспоминать Москву. Что там делается сейчас, она не очень представляла. Родителям она, конечно, звонила. И раз или два они даже приезжали к ней в гости, но люди они были не очень привыкшие разъезжать по границам (как и Машина мама), поэтому внутри семейного круга все считали Машу отщепенкой. В те дурные годы, в конце восьмидесятых, когда наивные люди ходили по улицам с приемниками в руках, чтобы слушать передачи с очередных партийных съездов, Маша была ребенком. На ее долю хватило и очередей, и неразберихи в умах, и темноты на улицах, и красных пиджаков быстро обогащающихся нуворишей. Приехать в Москву ее не тянуло, несмотря ни на какие завлекательные рассказы. Два раза в год в отпуск Мари ездила к морю – на Лазурный Берег или на Майорку. Номинально она, конечно, была в курсе, кто теперь у нас президент, но как зовут премьер-министра или какого другого руководителя – понятия не имела, да ее это и не интересовало. Она жила делами своей фирмы и своей кудлатой Лулу. Впрочем, если собачий возраст можно бы было пересчитать на человеческий, то оказывалось, что Лулу была много старше Мари. Кстати, это было заметно и по ее нраву: она еще меньше, чем хозяйка, заглядывалась на кобелей, а если хвостатый кавалер и привлекал чем-нибудь ее внимание, то дело, как правило, ограничивалось вежливым обнюхиванием. Таким же манером и Мари вежливо улыбалась мужчинам, но в жизнь свою никого больше не впускала. После мужа и еще

до появления у Мари квартиры и Лулу было несколько любителей русской экзотики, но все романы с французами кончались для Мари неудачно. Она не отказывалась от знакомств, но, в конце концов поняв, что русский и французский характеры совмещаются плохо, решила не кидаться на первых попавшихся знакомых. Русские же эмигранты почему-то вообще Мари не прельщали. Да и по совести говоря, кого-то, действительно заслуживающего внимания, чтобы впустить в свою жизнь, у Мари так и не оказалось. И будучи от природы не очень темпераментной, она решила не тратить нервы, по принципу – от добра добра не ищут. Вот при каких обстоятельствах свалился на Мари звонок из Москвы. Маша поговорила с Лениной мамой, пожалала плечами в недоумении и стала листать календарь, выясняя, какой это будет день недели. В рабочий день Мари поехать просто бы не смогла, но наш приезд пришелся на воскресенье. В принципе, Ленина судьба ее не очень интересовала, но Мари вдруг вспомнила, какой беспомощной и наивной сама в первый раз явилась во Францию, и решила ехать в аэропорт. Единственная тревога у нее была о Лулу. Будет неудобно, если она не пригласит Лену в гости. Лулу же ревновала Мари ужасно.

– Не волнуйся! Я еду встречать свою племянницу. Она тебе понравится, – сказала Мари по-русски, закрывая Лулу в квартире. Та ответила из-за двери отчаянным визгом. Лулу беспокоило, позволят ли ей в присутствии гостей спать, как она привыкла, на постели с хозяйкой.

– Все будет хорошо, – сказала Мари и направилась к лифту. Лулу слышала звук асансора и демонстративно ушла под диван. Вот в этот самый день Лена и за компанию с ней я в буквальном смысле свалились с неба на головы Мари и ее собачки.

* * *

Автобус двигался быстро. Я не могла понять, когда закончился пригород и начался город, да это было мне и неважно. Я тупо смотрела в окно и боялась пошевелить рукой. Той рукой, которая была обращена к пустому сиденью. Это было бы ужасно – ошутить рядом с собой пустоту, когда память услужливо подсовывает тебе ощущение прошлого. Поиски утраченного времени полное фуффло по сравнению с тем, что я ощущала тогда во время этой поездки в автобусе. Рядом со мной будто ехало привидение – вроде нет никого, а я чувствовала дыхание и тепло рядом с собой. Я боялась повернуться и как раз поэтому смотрела в окно. О чем я думала? Об обыденном. О том, о чем думала в последнее время почти постоянно. Зачем я живу? Пить, есть, спать, прекрасно сознавая, что твое существование никому не нужно, не хочется. Не жить – страшно. Вот и получается, что привязывает меня к жизни только одно – страх не жить. Я знаю, что некоторые думают, что я просто бешусь с жиру. Я живу в большом городе, у меня есть комната в родительской квартире,

есть отопление и свет, я не голодаю и хожу хоть в дешевых, но в незаштопанных колготках (для моей матери, например, незаштопанные колготки, которые надеваешь под брюки, – символ приличного благосостояния). Я также знаю, что многие вполне резонно могут сказать мне, что я ничего такого не сделала и не заслужила, чтобы мне быть по жизни богатой и счастливой, а другие люди, стартовые условия которых были гораздо хуже, чем у меня, добились всего сами, и поэтому я не имею права жаловаться. Но ведь я жалуюсь только на то, что со мной нет ЕГО, с которым я хотела бы прожить жизнь. Неважно – в бедности или в богатстве, скорее в тревогах, чем в радости, мне это все неважно. Я хочу его ощущать рядом. Ощущать в себе, знать, что он здесь, среди живущих, и я всегда смогу до него добраться – на самолете ли, на пароходе, на космическом ли корабле...

И поэтому все мысли о том, что на земле безуспешно борются за жизнь инвалиды, смертельно больные, бедные, в смысле, нищие люди, не спасает. Знание того, что люди в буквальном смысле умирают от голода, но хотят при этом жить и надеются на лучшее, не имеют для меня никакой ценности. Он умер – тот, кого я любила. Вернуть его невозможно. Все, что я ощущаю сейчас как его присутствие, – иллюзия, болезнь моего ума, не более того. Это ужасно. Все, что у меня есть, – это воспоминания.

Я закрыла глаза, хотя начались уже крыши. Высокие парижские крыши с изогнутой кровлей, башенками, решетка-

ми, флюгерами и окнами, отражающими солнце. Да, сегодня было солнце, оно согревало мне лицо через стекло автобусного окна, а тогда шел дождь. Я это ясно вспомнила, хотя час назад совершенно не помнила, какая была погода в тот наш приезд.

Я была словно огромная неуклюжая черепаха, вяло шевелящая лапами в море воспоминаний. Пласты воды – то теплые, то прохладные, а иногда ледяные – накатывали, омывая мое черпащее тело – я была рада всем этим пластам. Мне даже вдруг вспомнилась школа и моя училка по французскому – вот уж кого я никогда раньше не вспоминала. Досадным айсбергом проплыли ссоры с родителями, веселой мультипликашкой – университет с его сокурсниками и друзьями. Картинки прошлой жизни извлеклись из памяти сами, так иногда бывает во сне. И когда просыпаешься, не можешь сразу понять – правда это когда-то было или просто приснилось.

Да, в тот наш приезд в Париже шел дождь. Человечек, что нас встречал, довез нас на автобусе до какого-то места. Мы вышли. Мой друг и он о чем-то поговорили. Я стояла в стороне и озиралась по сторонам – все не могла поверить, что я в этом городе. Потом они договорились, и тот человек поймал нам такси. Сказал водителю адрес гостиницы и дал деньги. Я сейчас отчетливо это вспомнила. Даже вспомнила, что на водителе была удивительная шляпа – это был чернокожий парижанин в желтой соломенной шляпе.

Да, они тогда готовили выставку, посвященную войне, что-то связанное с французскими летчиками. Он мог бы готовить выставку о садомазо или о русской кухне – мне было бы все равно. Я была с НИМ – и этого мне совершенно хватало для счастья.

Мы поехали в такси. Я была ошеломлена. Мне было захватывающе интересно. Я себя чувствовала кем-то вроде подружки Джеймса Бонда, которая всегда и во всем помогает своему герою. Я помню, что я сидела на заднем сиденье, прижавшись к боку моего спутника, и капли дождя, промочившего нас, пока мы стояли, холодили мне шею мокрым воротником плаща.

Гостиница нам была забронирована. «Скажи шоферу, – велел мне мой спутник, – что нам нужно в «Королевскую оперу», и спроси, далеко ли это от центра». Я перевела.

– Это в районе Больших бульваров, – ответил шофер, повернув ко мне свое широкоскулое лицо. Шляпа его при этом сдвинулась на затылок. – На улице Мазагра, мадам.

Я чуть не выскочила из машины, чтобы расцеловать этого забавного человека.

– Ты слышал? Ты слышал? – тормозила я своего спутника. – Шофер подумал, что я твоя жена! Он назвал меня «мадам»!

ОН отодвинулся немного и взглянул на меня иронически: – Ну почему все женщины так хотят замуж? Я лично не вижу в замужестве ничего хорошего. При слове «замуж»,

Танька, ты дуреешь.

Мне стало стыдно, как будто я сказала что-то совершенно неприличное. Я потупилась и стала сама себя чувствовать мокрым воробьем. Ему, видимо, стало меня жалко, поэтому он снова придвинулся и приобнял меня:

– А не приходит тебе в твою голову, дурочка, что он называл тебя «мадам», потому что ты с дороги выглядишь на двадцать лет старше, чем есть на самом деле? – ОН обожал дразнить меня, мой друг, и наблюдать за моей реакцией. Естественно, что я тут же схватилась за пудреницу. ОН расхохотался. Он так и думал, что я это сделаю. Я с ним не мыслила самостоятельно, я жила по шаблону.

Однако этот шаблон появлялся во мне, только когда я была с НИМ. Любого другого человека я могла бы искалечить за такие слова. Но мой спутник был не «любой другой». В панике я стала рассматривать свое лицо. У меня был комплекс – из-за нежной кожи у меня рано появились под глазами морщинки. Есть ли они у меня сейчас – не знаю. Наверное, есть, но они меня не волнуют. Впрочем, я и в зеркало теперь практически не смотрюсь. Но тогда я не знала, как мне поступить – то ли убрать пудреницу, то ли нарочно продолжать в нее смотреться.

– Приехали, мадам-месье! – Тогда водитель выручил меня этими словами. Он вопросительно смотрел на нас из-за своей загородки, отделявшей его от салона. Я делано помахала ему.

– Мадам очень хорошо говорит по-французски. – Он даже вылез и открыл передо мной дверцу. И я снова готова была его расцеловать.

– Он похвалил меня! – я похвасталась специально.

Но мой друг опять посмотрел на меня так, что мне снова должно было бы стать стыдно. Совсем с ума сошла – принимать за чистую монету похвалу какого-то негра, к тому же таксиста! Однако теперь я не поддалась ему и поперлась в отель.

– Танька, бери чемодан! – Таксист составил наши вещи у порога. Я обернулась. Мой друг стоял и смотрел на меня, на вывеску отеля, на, откровенно говоря, не самую красивую парижскую улочку с такой красивой, открытой и даже ласковой улыбкой, что я поняла – он ощущает то же, что и я – восторг и удивление. Какая же я глупая, что приставала к нему со своими комплексами! Я тут же схватила свой чемодан, он приобнял меня свободной рукой, и мы вместе вошли в отель – как мне хотелось бы думать, дружной супружеской парой.

Я вдруг опомнилась. Наш туристический автобус чуть резче затормозил у перекрестка. Я огляделась по сторонам, будто спала и вдруг проснулась. Я видела чудесный сон. Что-то холодило мне руку. Я посмотрела. Моя старая пудреница, неизвестно с какого времени заваливавшаяся на дне кармашка моей дорожной сумки, была сейчас у меня в руке. Я машинально открыла ее и посмотрелась. На меня смотрело ничего не выражающее черепащее лицо с мутными серыми

глазами. Я защелкнула крышку, швырнула пудреницу назад и вдруг заплакала. Беззвучно и горько. Плечи мои даже не согрогнулись, и я не издала ни единого звука. Просто слезы в несколько ручьев текли по щекам, и я не могла и не хотела пошевелиться, чтобы их остановить. Я даже не удосужилась вытащить платок, чтобы их вытереть.

Наш автобус рванулся со светофора и вдруг круто завернул на Большие бульвары. Я вдруг узнала здание Оперы, зады его с крутыми лесенками оказались справа от моего окна. Сердце у меня запрыгало так, будто в моей груди метались сто испуганных молний: все то, что давно было похоронено в моей памяти, запрятано в темные тайники, закрыто тяжелыми замками действительности, теперь всколыхнулось, взорвалось и расцветило мою жизнь яркими красками. И весь мой мир, который уже много лет для меня представлял в однообразном сером цвете, теперь заиграл, заискрился и запел в моей душе. Я поняла, что приехала не зря. Дождь, который прошел в Париже несколько лет назад, вдруг окончился, выглянуло солнце. На платанах снова желтели листья. В проулке на секунду мелькнул светлый купол Сакре-Кер. Автобус стал останавливаться возле отелей. Туристы с сумками поочереды пробирались к выходу. Мы проехали бульвар Бонн-Нувель, и я узнала нашу станцию метро. Лена, Мари и я остались в салоне последними. Автобус остановился, не доезжая до арки Сен-Дени. Крошечная улочка Мазагра, я точно это вспомнила, была налево.

– Гостиница «Королевская опера», – объявил нам наш трансферист. – Автобусу туда ехать нельзя. Но здесь два шага пешком. Пойдемте, я провожу.

Лена и Мари пошли к дверям. Я поковыляла за ними.

– Что с вами? – спросила Мари, случайно обернувшись.

– Ничего.

Теперь они все смотрели на меня.

– Мадмуазель, могу я чем-нибудь помочь? – участливо спросил трансферист, когда я вышла. Он даже взял у меня мою сумку.

– Ты плакала? – спросила Лена.

– Нет. Это дождь. – Я сама не понимала, чего я несла.

– Дождь? – Они взглянули на безоблачное небо.

– Пустяки, – заверила я.

Мари на меня внимательно посмотрела. Я сделала вид, что инцидент исчерпан, и храбро вошла в те же гостиничные двери, в которые уже входила раньше. Трансферист отнес наши ваучеры за стойку регистрации. Лена вытащила свой паспорт. Мари присела в сторонке. Холл не показался мне знакомым, и это позволило мне без эксцессов тоже отдать свой паспорт вежливой девушке-администратору. Трансферист, попрощавшись с Мари и не обращая больше внимания на нас, ушел. Мы с Леной получили ключи и потащили вещи к лифту. Мари пошла с нами. В лифте зеркало отражало нашу группу в полный рост. Я хотела отвернуться, но не удержалась. В зеркале стояли Лена, Мари и еще какая-то женщи-

на. Я даже сразу не поняла, что это – я. Хотя пример с пудреницей мог бы послужить мне уроком. Как же они должны воспринимать меня? Во мне снова поднялся тот страх, который приходил ко мне по ночам. Все сбылось. Так и есть. Я больше не тот человек, которого я в себе знала. Эта тусклая, злая, больная тетка – это была и я, и не я. Я просто устала с дороги! Пришли на ум спасительные слова из тех дней. Нет, врешь. Дорога тут ни при чем, – расхохотался мой страх. Теперь эта женщина – это ты. И такой, какой ты была, ты больше никогда не будешь. Я закрыла глаза. Бывают же в жизни совпадения! Зачем я приехала в эту же самую гостиницу! Как глупо было с моей стороны во всем довериться Лене. Почему я не посмотрела ваучер с названием отеля, еще когда мы были в Москве? Я не смогу, не смогу здесь жить!

– Приехали! – Лена толкнула меня под локоть. Двери лифта раскрылись, мы подтащили вещи к своему номеру, Лена вставила карточку-ключ...

И вот тут меня и прорвало. Желтые шторы, шкафчик без дверок и что-то похожее на козетку... От козетки мне стало по-настоящему плохо. Я вспомнила, что ОН обожал меня любить именно на этой (а может быть, на такой же точно, но я решила, что на ЭТОЙ) козетке. Я вдруг завывала. Завывала, бросилась на эту довольно шаткую вещицу грудью и стала обливать ее слезами. Лена и Маша остолбенело стояли посреди крошечного номера.

– Таня, ты что? – Лена неуверенно погладила меня по спи-

не. Я только дернула ногой и зарычала:

– Отстань!

Лена отошла и испуганно посмотрела на Мари. Та выглянула в коридор. Кругом было пусто. Маша решительно закрыла дверь нашего номера.

– Ну-ка, перестаньте и выпейте воды! – Она прошла в ванную и принесла воды из-под крана. Лена перехватила у нее стакан и поднесла ко мне.

– Уйдите от меня! – рыдала я, теперь перевернувшись на спину. Голова моя лежала на сиденье этой треклятой козетки, смотрела я в потолок, а ноги мои нелепо протянулись по полу, заняв собой почти все пространство до противоположной стены. Перед моими глазами стояло в тумане слез ЕГО лицо – почти всегда насмешливое его выражение сменялось детским, почти испуганным в момент наслаждения. Как будто он боялся, что что-то недополучит от меня. Я отчетливо видела на потолке, как в зеркале, наши тела – мое, обнаженное, гибкое. Молодое. И его – уже со складочками и ямками, но такое теплое, родное, желанное... Я рыдала вслух, горько и глухо, как ухает филин.

– Да прекратите же вы истерику! Что случилось? – Мари была раздосадованна, а Лена испуганна.

– Может быть, вызвать врача?

Я только бессмысленно размахивала в воздухе руками.

Мари вздохнула, присела на корточки и крепко, внезапно, обняла меня, не давая мне вырваться.

– Все будет хорошо, слышите? Все будет хорошо! – уговаривала она меня тем же голосом, каким уговаривала Лулу.

И вдруг под влиянием ее голоса я внезапно обмякла, замолчала и провалилась то ли в обморок, то ли в кратковременный сон. Во всяком случае, на какое-то время действительность совершенно перестала для меня существовать.

– Ну-ка, подхватывай ее, – сказала Лене Мари, и вдвоем не без труда они взвалили меня на кровать. – Как ты думаешь, у нее есть с собой халат или по крайней мере ночная сорочка? Хорошо бы ее переодеть во что-нибудь, что не мешало бы дышать.

– Надо посмотреть в ее сумке. – Лена решительно открыла замок и выложила мои вещи на соседнюю кровать. – Смотрите! – Из моих скудных тряпок выскользнул пакет. Три старые фотографии просвечивали сквозь прозрачную полиэтиленовую пленку.

Я и ОН на берегу Сены возле «Консьержери», я и ОН на острове Святого Людовика, я и ОН на той самой скамейке на задах Нотр-Дам...

– Ты знала, что она уже раньше бывала в Париже? – спросила у Лены Мари, бегло просмотрев фотографии.

– О ней никто ничего не знал. Я взяла ее с собой, потому что кроме нее мне не с кем было ехать, – вяло сказала Лена.

– Весьма опрометчиво пускаться в такие путешествия с малознакомыми людьми. – Мари потеряла свой безмятежный вид, и это ей не шло.

– Что теперь делать? – жалобно спросила Лена. Перспектива возиться со мной, в то время как на завтра у нее была назначена встреча с Валерием, ее совершенно не устраивала.

– Нельзя оставлять ее одну, – сказала Мари. Ей вообще-то тоже не улыбалось тратить на меня время. В квартире сидела запертая Лулу, и Мари представляла, как собачке должно быть обидно. Пропало их совместное воскресенье. – Если она в течение получаса придет в себя, – Мари взглянула на свои швейцарские часики, – поедem все вместе ко мне в гости.

– А если нет?

– Тогда придется отправить ее в больницу. Так будет лучше для всех, – произнесла Мари. Ей от всех этих приключений ужасно хотелось выпить. Лене тоже хотелось выпить. Но, собственно, не ради самого питья, а, так сказать, отпраздновать поездку. И перед Мари ей, конечно, тоже было неудобно. В общем, когда я открыла глаза, они обе сидели на Лениной кровати и в четыре глаза смотрели на меня. Смотрели с опаской – не собираюсь ли я их укусить. И странное дело, мне стало как-то странно легко и даже, стыдно сказать, весело, будто с диким ревом и слезами я потеряла четверть своего жизненного веса.

Определенно, я чувствовала себя лучше. Лена и Мари переглянулись.

– Она пришла в сознание.

Я сказала:

– Простите. Мне страшно неудобно.

Они молчали и продолжали с сомнением смотреть на меня. Очевидно, не могли оценить мое состояние.

– Я уже в полном порядке. – Они все еще не понимали, можно ли со мной нормально общаться. Я оказалась в глупом положении. Если я сейчас попытаюсь встать, может быть, они снова навалятся на меня? Но и лежать больше мне тоже не хотелось.

Я сказала:

– Можно я встану?

Обе переглянулись.

– Тань, ты точно в порядке? – Лена наклонилась к моему лицу и вглядывалась в мои зрачки. Так делают врачи «Скорой помощи» в сериалах.

– Да я не помираю, не бойся.

Она отодвинулась, и я спустила ноги с постели. Мари тоже встала и отошла подальше.

– Я вас не укушу. – Почему-то теперь она стала меня раздражать, эта Мари.

– Ну и хорошо. – Она, казалось, приняла какое-то решение. Облизнула губы, прошла в ванную и покрыла их наново светлой губной помадой.

– Если вы уже оклемались, я предлагаю вызвать такси и поехать ко мне в гости.

– Вообще-то у меня на сегодняшний вечер были другие планы.

– Таня, поедем! – умоляюще прошептала мне Ленка. – Я не могу тебя оставить одну и к Маше в гости не поехать тоже не могу.

«В конце концов нужно быть справедливой не только к себе, – подумала я. – Они и так потратили на меня столько времени».

– Ну, хорошо, спасибо... – промямлила я. Мари вышла первой и спустилась к портье. Таня помогла мне натянуть запасной свитер, потому что тот, который был на мне, был облит слезами и соплями, и через некоторое время мы все втроем вышли на улицу.

* * *

Лена знала, что Валерий с товарищами будут совершать перелет из Москвы в Ле Бурже приблизительно в то же время, что и мы с ней, но только мы – на пассажирском самолете, а они на своих «Су». Она даже наивно сказала Валерию при расставании в Москве:

– Вот было бы здорово увидеться в небе!

Он снисходительно засмеялся.

– Мы полетим разными эшелонами.

– Эшелонами?

– Так называются воздушные коридоры, по которым летают самолеты. И даже если бы мы летели в одно время, мы все равно не могли бы увидеть друг друга. Слишком разные

скорости. И военные самолеты не летают над пассажирскими из соображений безопасности.

– Жаль... Мне было бы приятно увидеть ваши самолеты.

– Это работа. – Он как-то по-новому взглянул на Лену.

– Я понимаю.

Этот разговор состоялся накануне, но сейчас Лене казалось, что между вчерашним днем и сегодняшним прошло уже очень много времени. Она ждала звонка от Валерия. День подходил к концу. Звонка все не было. И пока я закатывалась в истерику, Лена мучилась сомнениями – все ли в порядке у Валерия, не сорвался ли их замечательный план, не вмешались ли еще какие-нибудь непредсказуемые обстоятельства. Пожалуй, в сравнении с Леной и Мари, которые были озабочены реальными делами – одна женихом, а другая собачкой, – я оказалась наиболее свободной: меня мучили виртуальные переживания, а их – самые настоящие.

Итак, мы вышли на бульвар.

Осенний вечер был не по-московски теплым. Легкий ветерок пах морем. Платаны роняли сухие листья, но кроны их были еще по-летнему полны. Во всех кафе горели огни, и в них под навесами за столиками, выставленными на улице, сидели люди – группами, парами и поодиночке. Некоторые были с собачками. Звучала музыка, светились окна, громадно высились светлые здания – все похожие друг на друга и ни одного одинакового. По асфальту бесшумно катились машины.

– Я – в сказке, – сказала Лена.

Я в этой сказке уже была. Маша в ней жила. Мы стояли втроем и думали все о разном. Не знаю, что чувствовали Лена и Мари, но мне вдруг захотелось назад, в свою виртуальность. В черно-белый парижский дождь, в мокрое такси, в поцелуи на козетке. Я смотрела на яркие картинки вокруг и чувствовала себя до омерзания реальной. Вдруг я поняла, что мне нужно сделать, чтобы вернуться в прошлое. Я должна была выпить. И много выпить.

– Вы поезжайте, а я пойду в кафе, – сказала я как можно более твердым голосом.

– Тань, ты же обещала! – Лена смотрела на меня почти что с ненавистью. Мари тоже разозлилась.

– Вы выложили из сумки ваш паспорт?

– Нет. – Я действительно даже не думала о каком-то паспорте.

– Бегать по консульствам не входит в наши задачи, – холодно сказала она. Подъехала машина.

– Танька, идем! – Лена буквально впихнула меня в такси. И я поехала. Но сколько ни закрывала глаза, пытаюсь сосредоточиться, черно-белый Париж больше не входил в мое сознание. «Это потому, что водитель – не негр в желтой шляпе», – с мрачной иронией сказала я себе.

– У меня дома есть коньяк, – вдруг сказала Мари. И я вдруг подумала, что ее, наверное, от меня уже тошнит.

Мы доехали до Марсова поля. Эйфелева башня горела, как мне показалось, гораздо ярче, чем десять лет назад, но толпы людей из разных стран все так же скользили между ее ажурных ног. В стороне в ночном небе золотился купол церкви Дома инвалидов. Лена смотрела по сторонам, раскрыв рот. Я смотрела на все это великолепие без единой мысли. Мари, уже не скрывая, торопилась домой. Вдруг у Лены зазвонил телефон.

– Я в твоей гостинице, а ты где? – спросил ее Валерий. Мари посмотрела на меня, я – на Лену. Щеки ее зарделись.

– Мы с моей подругой идем к моей тете. – Она отошла в сторонку.

Мари посмотрела на часы. Лулу давным-давно пора было выводить гулять.

– Можешь сказать, где она живет?

– У Эйфелевой башни, – неуверенно пробормотала Лена.

– Я сейчас приеду за тобой.

– Но я не знаю... Может быть, сейчас это не очень удобно. – Лене очень хотелось провести этот вечер с Валерием, но теперь в историю вмешались мы двое – я и Мари, и наивная Лена думала, что будет неудобно оставить нас прямо здесь.

На мой взгляд, это было бы как раз очень удобно. Мари отдохнула бы от нас. Вид у нее сейчас был, прямо скажем,

бледноват.

– Скажи мне адрес тети, я приеду.

Лена неуверенно повернулась к Мари:

– Это мой жених. Можно я скажу ему ваш адрес? Он собирается за мной приехать.

Мари вздохнула и взяла у нее трубку:

– Соедините меня с портье, я продиктую ему адрес.

И мы пошли к дому Мари. Она шагала впереди, торопясь, как мне показалось, и чуть-чуть согнувшись. Она устала и больше не следила за своей походкой. Лена же, наоборот, летела как на крыльях. Она все оглядывалась по сторонам, как будто хотела получше запомнить все, чтобы потом пройти этим же путем с Валерием.

«Счастливая!» – без всякой зависти вдруг подумала про нее я.

Вскоре мы свернули и вошли в подъезд. Дом был длинный, опоясанный по этажам лоджиями. Ничего особенного, обычная многоэтажка. Даже странно, что в центре Парижа были такие.

Мы вышли из лифта, и сразу же до нас донесся жалобный собачий визг. Я заметила, что у Мари дрожали руки, когда она отпирала дверь.

– Лулу! – позвала она нежно. Визг прекратился, но в комнате никого не было видно, только несколько довольно больших лужиц блестели на полу в свете огней Эйфелевой башни. Мы нерешительно остановились возле входной двери.

– Простите собаку. Она, как видите, меня не дождалась. – Мари сбросила туфли, прошла на носочках, огибая лужи, и нагнулась под диван.

– Лулу, иди сюда!

Ответом было молчание. Тогда Мари встала на колени перед диваном.

– Лулу, выходи! – Мари будто просила прощения. – Ну, я ведь знаю, что ты там! – Комок черно-белых спутанных волос на миг показался из-под дивана. Показался и спрятался. Послышалось глухое рычание.

– Ну, вылезай! – Мари схватила собачку за передние лапы и потащила. Лулу неохотно выкатилась, как на лыжах, и ее глаза недобро блеснули сквозь челку на нас и опять спрятались за волосами. Мы с Леной так и стояли, не входя в комнату. Я почувствовала себя виноватой.

– Знаете, Мари, мы все-таки пойдем. Погуляем внизу, пока не придет Валерий.

– Проходите, я сейчас все вытру. – В руках Мари уже были ведро и тряпка. Лулу опять где-то скрылась. – А как же коньяк? Вы ведь хотели выпить? – Мари неуверенно посмотрела на меня.

– Обойдусь.

Лулу бочком выскользнула из угла и шмыгнула в кухню. Через секунду оттуда донеслись негромкие звуки – будто кто-то тихонько босиком шлепал по полу. Это Лулу стала жадно пить воду из миски. Мари пошла, взглянула на нее и

вернулась.

– Нет, сидите. Лену я все равно не отпущу, пока за ней не придут. Мне кажется, выпить теперь не помешает нам всем. – Она снова скрылась в кухне, я видела – она насыпала Лулу сухой корм, погладила ее и тут же снова возникла в дверях с коньяком и стаканами. Тут наконец пришел черед и Лениных конфет. Всяческие «Мишки» были высыпаны из кулька в стеклянную салатницу и поставлены перед нами. Мы с Леной сидели, будто овечки. Маша под села к нам.

– Ну же, Лулу! Я не сержусь на лужи! Иди ко мне! – крикнула она в сторону кухни. Лулу вышла, облизываясь, и, теперь уже не торопясь, вскарабкалась к ней на колени.

– Слава богу, все в сборе. – Мари чмокнула Лулу в кудлатую макушку, пересадил ее в угол дивана и разлила коньяк.

– Ну, девочки, хряпнем! – И с этими словами она превратилась в не очень уже молодую, довольно обыкновенную москвичку. Каждый день такие встречаются и в метро, и в магазинах, и прут тяжелые сумки в свои семейства, и входят в горящие избы, и останавливают на скаку всяких животных.

Я как-то расслабилась и разом опрокинула в себя все, что было налито в рюмку. И, на удивление, даже не закашлялась. Глядя на меня, Лена поморщилась, наверное, подумала, что я еще и пьянчужка. На самом деле я почти не пила. Только кофе.

Мари, кстати, как и я, хорошо хлебнула. Лена в ожидании свидания только чуть-чуть пригубила напиток (а коньяк был

хорош, если, конечно, я что-то понимаю в коньяке). И мы опять замолчали на небольшом диванчике Мари. Никто из нас не знал, что сказать. Только Лулу почесывалась в своем углу так, что меня просто подмывало спросить, не водятся ли у нее блохи. Лена, как я понимала, украдкой посматривала на настенные часы и про себя высчитывала время, сколько понадобится ее дорогому супермену, чтобы добраться до квартиры. Мари опять взяла Лулу на руки и стала что-то нежно нашептывать ей на ушко. Пауза явно затянулась.

– А нельзя еще коньяка? – вдруг спросила я. Ей-богу, первая порция не оказала на меня никакого действия. Наверное, это привычка к кофе сделала меня нечувствительной к алкоголю.

Мари, не подав виду, взялась за бутылку.

– Да я могу и сама налить, – на меня напал какой-то бес. Мне вдруг захотелось разрушить этот мирок, в котором все для всех было определено. Одна, я кинула взгляд на Лену, случайно подцепила хорошего жениха. Теперь у нее пойдет по накатанной дорожке – квартира, дети, машина, поездки в санаторий. (Я, кстати сказать, не подозревала о случившемся в санатории с первой женой.) Разве Лена прилагала какие-то усилия, чтобы ее жизнь образовалась таким образом? Нет, никаких. Это все получилось случайно. Теперь в Париже они будут гулять, целоваться и миловаться, а послезавтра поедут на авиасалон, где эта никчемная девица (я подумала о Лене) вместе с другими приглашенными будет сидеть в

ложе для гостей, а ее жених наверняка посвятит своей невесте какой-нибудь самый сложный из всех рискованных пируэтов. За это она его вечером зацелует чуть не до смерти, и они проведут вместе бурную р-р-романтическую ночь! А я в это время буду лежать одна в пустом гостиничном номере. Я залпом выпила свой коньяк и перевела взгляд на Мари.

«Эта тоже хороша! – сознание мое постепенно подергивалось туманом. – Целуется все время со своей ободранной псиной».

Мари будто подслушала мои мысли, подняла голову и внимательно на меня посмотрела.

– Ваше здоровье?

– А я уже выпила свой коньяк, – с вызовом я показала ей свою пустую рюмку. Лулу неодобрительно покосилась на мою руку.

– Бог любит троицу, – сказала Мари и снова взяла бутылку.

– Таня! – За ее спиной Лена взяла меня за руку и потрянула. – Тебе опять будет плохо.

– Не будет, – произнесла я и снова выпила. Лена отказалась, Мари тоже чуть-чуть пригубила из своей той, еще первой, порции.

– А не скучаете ли вы по вашей несчастной Родине? – вдруг с пафосом спросила я у растерявшейся Мари. – Или вам глубоко плевать на то, как мы там живем?

– Я так и знала. – Лена смотрела на меня умоляюще. Как

же, жених уже должен скоро приехать, а я тут надралась как свинья. Что же это подумает обо мне этот летчик-налетчик? Говорят же, с кем поведешься, от того и наберешься. Это или примерно это я донесла до Лениного сознания. А заодно и до Мари.

Мари после моей тирады встала, взяла под мышку Лулу и ушла с ней в кухню. Заодно она унесла мою рюмку. Я услышала, как звякнуло в раковине стекло и зажурчала вода.

– Тань, ты сможешь одна добраться до гостиницы? – Лена смотрела на меня одновременно и сердито, и в то же время умоляюще.

– Ага! Испугалась! – Я казалась себе необыкновенно остроумной. Почему это у всех все должно быть хорошо, и только у меня – плохо?

Мари вышла из кухни без собаки и протянула мне стакан.

– Выпейте воды. Может быть, это вас успокоит, – холодно сказала она.

Я взяла у нее стакан и со всего маха швырнула его в противоположную стену. Одновременно со звоном разбившегося стекла раздался звонок домофона. Мари взглянула на Лену. Та кинулась в коридор. Мари застыла у стенки рядом с лужей воды. С площадки донесся шум лифта.

– Валера, ты? Как хорошо, что ты пришел так быстро!

– На помощь пришли Вооруженные силы? Целая эскадрилья или авианосец? А как там у вас в Министерстве обороны с коррупцией? – Я восседала на диване одна, будто была

здесь хозяйкой. Лулу заливалась визгливым лаем и металась между мной и входной дверью. Лена кинулась открывать. Ни разу я еще не видела ее жениха.

– Извините, что поздно. – Он вошел и остановился у дверей.

Валерий оказался блондином. У него была хорошая фигура и хорошее лицо. Короткая кожаная куртка ему очень шла, но в целом такие «правильные» мужчины были не в моем вкусе. В студенческие времена мне всегда хотелось над такими типами посмеяться.

– Почему одежда не по уставу?! – рявкнула я с дивана.

Валерий на секунду оторопел.

– Три наряда вне очереди! – продолжала я.

– Сделай же что-нибудь, – вцепилась ему в рукав Лена. – Как приехала в Париж, так не может успокоиться.

– Не метите ли в министры обороны? Может... – Я действительно никак не могла успокоиться. Отчего-то мне захотелось довести его до бешенства.

Валерий сделал в мою сторону быстрое движение.

– Животное! Чтоб тебя... – Закончить предложение мне не удалось, так как через секунду я уже валялась на полу с красной от оплеухи щекой.

– Вы ее убили! – в ужасе сказала Мари.

Я была очень даже жива, больно мне не было, только кружилась голова – не от удара, от коньяка, но вставать с пола не хотелось. Меня охватила апатия. Доигралась, получила по

морде. Уже лет восемь меня никто не бил. Меня вообще никто не бил, кроме НЕГО. Но на НЕГО я даже не могла сердиться. Я валялась на полу с закрытыми глазами и вспоминала отзвук другой пощечины. Кажется даже, по той же самой щеке. Я сказала тогда, что очень хочу родить, и получила так же, как и сейчас, по морде.

– Ты что, с ума сошла? – Ни до, ни после я не видела у него ТАКОГО лица. Будто заговорила каменная глыба. – Надо быть ответственной! Что значит родить? А как ты будешь воспитывать ребенка?

Я тогда сказала:

– А ты?

Его глаза, обычно серые, позеленели от злости.

– Разве я давал тебе когда-нибудь повод думать, что хочу еще одного ребенка?

– Но ведь те твои дети не от меня?

– Запомни, идиотка! – Он не сказал это, а будто отрубил. – Дети бывают сами по себе. Их надо кормить, учить и лечить независимо от того, кто их мать или отец.

Я тогда сидела и тупо смотрела на него. Он подошел ко мне, поцеловал в макушку и сказал уже мягче:

– Танька, мы не имеем права заводить ребенка. Я не разобрался со своей жизнью, а ты хочешь навязать мне еще чью-то.

– Но с другими своими детьми ты прекрасно разбираешься.

Вот тут-то он и стукнул меня.

– Никогда не лезь не в свои дела.

И сейчас, лежа на ковре, я думала, что ОН был прав. Может быть, он предчувствовал, что скоро умрет? Как бы я сейчас жила с ребенком? Как бы там ни было, повторять со своим ребенком ошибки своей матери я не хотела.

– Валера, что ты с ней сделал? – Голос Лены раздался надо мной.

Я чуть-чуть разомкнула веки. Она стояла и смотрела то на меня, то на своего жениха в явном недоумении.

Я быстро снова закрыла глаза. Пусть-ка этот бугай тоже поволнуется. Небось ему мало не покажется, если выяснится, что он меня убил. Но Валерий спокойно отряхивал руки. Он даже не подумал оправдываться. Скотина!

– Ничего с ней не будет. Я ее шлепнул не сильно, просто чтобы она замолчала. Получилось звонко, но сейчас оклемается.

– Как вы могли? – Теперь Мари опустилась передо мной на колени и попыталась нащупать мой пульс. Лена в ужасе сжала голову руками. Валерий брезгливо склонился надо мной.

– Да жива она, не волнуйтесь. Ковер у вас мягкий, сильно удариться она не могла.

Лена совершенно не знала, что делать. Если ее жених меня убил, им здесь, во Франции, не выпутаться. Конечно, я вела себя отвратительно, но бить женщину... Над этим мож-

но было задуматься, но задумываться ей сейчас не хотелось.

Мари поднялась с пола и стала рыться в каком-то блокноте.

– Наверное, придется вызывать службу спасения. Или врача... Нет, – она возмущенно смотрела на Валерия. – Это же надо было так сделать...

Лена жалобно лепетала, кружа за ней по пятам:

– Господи, вы не волнуйтесь! Только бы Танька пришла в себя! Мы ее перевезем в гостиницу...

Вид у Мари был растерзанный. Ну и в историю она попала! Полная квартира каких-то людей, незнакомая женщина валяется на полу, и вдобавок Лулу осторожно подкралась к Валерию и во всеобщей суматохе вцепилась ему в ногу.

– Вот это да! Она мне прокусила ботинок, – удивился тот. – Маленькая, а кусается! – Хитрая Лулу уже отбежала подальше и скалила зубы на всех из кухни.

– Лулу! – закричала Мари.

– Так тебе и надо. – Валяться на полу мне надоело, и я поднялась. На удивление, я чувствовала себя неплохо. Конечно, горела щека, но всосавшийся в кровь коньяк смягчил мою боль и притушил злость.

– Слава богу! – Лена помогла мне снова сесть на диван.

Лулу из кухни делала вид, что загрызет сейчас всех чужих, кто находится в комнате.

– Знаете что? – У Мари наконец созрело решение. – Пусть Таня останется у меня, а вы, – она посмотрела в сторону Ле-

ны и Валерия, – уходите. Увидимся после, иначе соседи вызовут полицию.

– Конечно, пусть уходят, пока этот debil не поубивал тут всех.

Лена, которой, прямо сказать, хотелось уйти больше всего на свете, кинулась к Мари, чтобы расцеловать ее в обе щеки. Валерий то ли не расслышал моих слов, то ли не понял в этом шуме и гаме, но только не прореагировал. Он во все глаза смотрел на Мари.

В конце концов, они даже не стали прощаться со мной. Лена схватила его за руку и поволокла к лифту. Мари закрыла за ними дверь и, не произнеся ни слова, достала из шкафа плед и постельное белье. Выразительно положив его рядом со мной, она вышла на кухню, и я слышала, как она там в одиночестве что-то выпила. По-моему, это был коньяк. Я бы, правда, выпила с ней еще, но она мне не предложила. Я бы хотела и ей кое-что сказать, но тут меня, что называется, «догнало», я запрокинулась головой на диванную подушку, ногами сползла чуть ли не до середины комнаты и вот уже по-настоящему заснула.

– Черт бы побрал этих идиотов! – сквозь сон я услышала, как это сказала Мари. Она еще постояла надо мной в изнеможении, не в силах понять, что ей делать теперь с моим телом. Наконец, со вздохом она набросила на меня плед и оставила в покое.

Они с Лулу эту ночь провели в неудобном раскладном

кресле, и до сих пор, когда я иногда вспоминаю этот свой день в Париже, я верю, что истинные христианские чувства не могут умереть в людях окончательно.

* * *

– Куда мы пойдем? – Лена, очутившись на улице, на нервной почве начала хохотать. Верно говорят: «Не имела баба забот, так купила она порося». Ну, вот я как раз и оказалась для Лены порядочной свиньей. И, освободившись наконец от заботы обо мне, Лена почувствовала себя счастливой.

На улицах по-прежнему были люди. Эйфелева башня горела огнями. Трава на газонах от ее света приобрела зеленый оттенок фантастической красоты. Вдоль Марсова поля таинственно темнели пирамиды туй.

Валерий шел рядом.

– Поедем к тебе в гостиницу?

Лена смутилась. Откровенно говоря, ей пока не хотелось в гостиницу. Хотелось еще погулять.

– Не знаю... Может, пройдемся пешком?

Валерий посмотрел на часы.

– Я должен вернуться к утру. В девять начнется предполетная подготовка. Потом обед, снова подготовка, ужин – и спать. Послезавтра полеты. Времени мало.

– Тогда поехали, – тоненько сказала Лена. Ей нужно теперь привыкать к жизни по расписанию. Да ее жизнь и в

Москве не отличалась особым разнообразием.

Они вышли к Дому инвалидов. Валерий стал ловить такси, а она старалась запомнить все, что видела вокруг. Какая волшебная ночь! Вот белые розы на газоне – нежные головки не шелохнутся на стройных стеблях. Ей казалось, что она сама такая же, как эти розы. А ведь в путеводителе написано, что здесь, на Марсовом поле, какая-то военная школа или что-то еще, связанное с милитари. Война и розы. Как странно, неестественно. Она подошла и взяла Валерия за руку. Поездка по ночному Парижу, к сожалению, не заняла у них и десяти минут. И вот они с Валерием уже расплачивались с водителем перед входом в гостиницу. Ключ от номера был у Лены в сумочке.

Ночной портье не обратил на них никакого внимания. Когда двери лифта сомкнулись за ними, Валерий привлек Лену к себе. Что-то изменилось в его поцелуе. Лена поняла – это был поцелуй мужчины, который очень хочет. Налета друженности, что-то вроде того, что мы с тобой, дорогая, не только любовники, но и большие друзья, прямо-таки товарищи по оружию, который всегда раньше сопровождал его ласки, не было и в помине. «Вот что делает Париж с мужчинами!» – только и успела подумать она. Дальше происходило что-то необыкновенное. Во всяком случае, она таких ощущений еще никогда не испытывала. Даже не подозревала, что ее тело и его тело могут быть такими слаженными, такими желанными и так чувствовать и понимать друг дру-

га. Он отпустил ее только перед рассветом, и она не устала от его ласк, наоборот, ей хотелось повторения – еще и еще. Когда же, наконец, она почувствовала, что он изнемог, и тоже задремала, прижавшись губами к его плечу, и потом, окончательно расслабившись, вытянулась и заснула крепким сном, она не поняла, что еще в предутренней темноте он выскользнул из постели, быстро оделся и ушел, поцеловав ее на прощание.

Валерий шагал по Большим бульварам, а Париж в это время только еще готовился просыпаться. Уборщики сонно разворачивали змеи шлангов, чтобы смыть в сточные канавы нападавшие за вечер листья платанов. Пустые такси медленно ехали по улицам в поисках запоздалых гуляк. Перед кафе на бульваре Монмартр выгружали в корзинах устрицы, остро пахнущие морем. Привозили их теперь не разносчики на тележках, как во времена Моруа, Ремарка и старины Хэма, а на мотоциклах и легковых «каблуках» – но Валерий ничего не знал об этом. Запах устриц – острый, наполненный морем, не нравился ему. Он шагал, торопясь, а ноздри его немного двигались, и он морщился, стараясь избавиться от всего, что связывало его с морем. Он шел быстро, будто наведенный на цель, не заглядываясь ни на кафе, ни на крыши домов – все разные, но все великолепные. Его не заинтересовала и уже открывшаяся булочная на углу Итальянского бульвара, почти возле Оперы, из окошка которой толстая негритянка привлекала одиноких путников волшебным ароматом плюшек.

И на здание Оперы с множеством лесенок, балкончиков, золотых финтифлюшечек и золотой арфой Орфея на крыше он тоже не обратил внимания. Он шел вперед, влекомый странным чувством, присущим зверям в период гона или людям – когда они говорят, что их посетило озарение. Он шел интуитивно и быстро, почти как Шварценеггер-Терминатор, выбирая дорогу не по карте, не по указателям улиц. Впрочем, в Париже трудно заблудиться, особенно человеку военному, хоть раз видевшему Париж на карте. В общем, практически пробежав, гонимый интуицией, Большие бульвары, у Оперы Валерий спустился в метро и далее поехал к Трокадеро – ближайшей остановке от Эйфелевой башни.

Мари спала, во сне чувствуя, что тело ее еще сковано усталостью. Тем приятнее ей казался этот сон или полудрема, тем блаженнее всем существом она чувствовала, что еще может лежать в тепле, не вставая. Когда раздался звонок в дверь, она пошевелилась, но сквозь сон подумала, что вставать в такую рань ни за что не будет.

Однако в это время уже не спала я. Разница во времени между Москвой и Парижем дала о себе знать, и я, кстати, в этот день совершенно не мучимая бессонницей, проснулась как штык в семь по московскому времени. К тому же не последнюю роль в моем пробуждении сыграли затекшая от неудобной позы спина и невыносимый храп Лулу. Так что в то самое время, когда Мари досыпала на своем кресле, я осторожно вышла из ее кухни на кусок крыши. Париж рас-

стился подо мной океаном крыш, и швейная игла Башни высилась хоть и сбоку, но совсем рядом со мной, так, что мне показалось, что я, встав на цыпочки, могла бы потянуться и прыгнуть, достав ее рукой в прыжке. И у меня защемило сердце от счастья и ужаса, что вчера я потеряла целый вечер, а сейчас еще могу потерять и день, если останусь проводить утро с Машей.

Я тут же решила немедленно освободить квартиру Мари от своего присутствия. Не тут-то было. Лулу перестала храпеть, приоткрыла один глаз, сквозь челку подозрительно глянула на меня и заворчала. Мари повернулась на спину и застонала. Я замерла. Мне вовсе не хотелось ни здороваться с ней, ни объясняться, ни говорить жалобным голосом «Извините!», мне хотелось просто уйти и никогда больше в эту квартиру не возвращаться.

В этот момент и раздался звонок.

Я посмотрела на Лулу, думая, что та сейчас оглушительно залает. Ничего подобного. Подлая собачонка уткнула свой черный нос в лапы, очевидно, в надежде, что кто бы ни вошел сейчас в квартиру, ее не заметят. Звонок повторился.

– Мари! Звонят в дверь! – осторожно сказала я, обернувшись к креслу.

– Откройте сами, если не трудно, – промычала она и демонстративно повернулась на другой бок. Мне ничего не осталось сделать, как пойти отпереть и остолбенеть. Как ни была я вчера пьяна, Валерия я не забыла. И это он сейчас,

словно робот, шагнул прямо в комнату мимо меня.

– Что-то с Леной?

Он не удостоил меня ответом. Секунду он постоял на месте, как бы оценивая обстановку, потом осторожно подошел к импровизированной постели Мари и заглянул ей в лицо. Будто замороженная, я тоже шагнула в комнату.

Мари теперь лежала, повернувшись к окну. Лицо ее, все еще хранившее следы ночной усталости, было бледным и казалось от этого немного больным. Непричесанные светлые пряди закрывали лоб и половину щеки. Валерий вдруг присел перед постелью на корточки и осторожно отвел ее волосы. Он смотрел внимательно, как делают молодые собаки, стараясь запомнить новые видения и запахи. Странное выражение умиления и узнавания появилось в довольно обычных, правильных, но не очень выразительных чертах его лица.

«Может, он маньяк?» – мелькнула у меня единственная подходящая случаю мысль. Но Лениному жениху было, по-видимому, наплевать на мои мысли. Он все смотрел на Мари, не отрывая взгляда. Я тихонько, по стеночке стала подкрадываться ближе.

Если он кинется на меня, мне одной с ним не справиться. Я старалась ступать как можно тише. Но как назло, нога моя ни с того ни с сего подвернулась, и я плюхнулась на четвереньки прямо перед креслом Мари, но с другой от Валерия стороны.

– Тише ты, разбудишь! – прошипел он мне. Полная возмущения, я поднялась во весь рост, готовая поставить его на место. Вчерашнюю пощечину я тоже не забыла.

– Если ты уже собралась – брысь отсюда! – сказал Валерий шепотом, но с таким выражением лица, будто прогонял кошку.

– Никуда не пойду! – Я словно забыла, что еще пять минут назад сама кралась к двери.

– Это еще почему? – удивился он.

– А вдруг ты с ней что-нибудь сделаешь?

Валерий поднялся и тоже выпрямился во весь рост. Так мы с ним и стояли с разных сторон над креслом Мари. Сама же она со стоном натянула на голову одеяло.

– Что, например, сделаю? – Он теперь смотрел на меня чуть ли не с омерзением.

– Убьешь ее, например! – Я и не заметила, как стала повышать голос.

– Ты что, сумасшедшая?

– Вовсе не сумасшедшая! Кто меня вчера так отоварил, что до сих пор щека болит?

– Пить надо меньше, дура! – презрительно сказал он.

– Ну, дайте же человеку поспать, идиоты, – заворочалась под одеялом Мари. Лулу, которая весь наш разговор с Валерием трусливо пряталась под хозяйкиным креслом, наконец тоже высунула наружу морду.

– Тоже хороша! – сказала я ей. – Гавкаешь, когда не надо,

а чуть что – только тебя и видели.

Лулу остервенело залаяла в ответ. И зазвенел будильник.

– А что, у нас опять «Чуть что»? – Зевая, Мари высунулась из-под одеяла и стала рукой искать часы. Вдруг она увидела Валерия, сказала: «Ой!» и опять натянула одеяло до подбородка. Потом она посмотрела на меня и спросила, досадливо поморщившись: – Неужели у нас тут опять что-то происходит?

– Не знаю! – теперь уже громко и сердито сказала я и показала на Валерия: – Вот он явился ни свет ни заря и всех перебудил! А я тут ни при чем! – Во мне проснулась какая-то детская глупость – желание наябедничать. Хотя я никогда в своей жизни ябедой не была. Я даже покосилась на Мари не без подобострастия: – Я вовсе не хотела его пускать!

Но тут Мари пришла в голову та же мысль, что и мне.

– Что-нибудь с Леной?

Валерий пожал плечами.

– С Леной все в порядке. Она спит в гостинице.

Мы обе с Мари молчали, ожидая продолжения. Зачем-то ведь снова явился он сюда ни свет ни заря?

– Я пришел, – Валерий помолчал секунду, – чтобы пригласить вас, Маша, – он немного подумал и посмотрел на меня, – вернее, вас обеих, – он вдруг мне подмигнул, – на завтрашнее авиашоу.

Мы с Машей непонимающе молчали. Мы-то тут при чем, и вообще зачем для этого надо было переться в такую рань?

Можно было все передать и через Лену.

– Спасибо, но... не могу обещать, – замялась Мари. – Я ведь работаю... И потом, я думала, вы специально приехали сюда вместе с Леной?

– Ну, да! – сказал Валерий и как-то очень уж небрежно, на мой взгляд, пожал плечами. – Но я буду вместе с Леной. А ей будет даже веселее, если вы приедете.

– Я не приду! – сказала я громко. Никакое авиашоу не входило в мои планы.

И тут он посмотрел на меня так, что я тут же и поняла: разве я тебя, дуру, приглашаю?

Он подошел опять поближе к креслу.

– Но я надеюсь, что вы найдете время, Мари?

Я чуть не ахнула, глядя на него. Откуда только взялись в его лице и нежность, и смущение?

– Честно скажу, не знаю. Я ведь ничего не понимаю в самолетах...

– Лена тоже ничего не понимает! – тут он осекся, перехватив мой взгляд.

«Знаю, что ты все расскажешь Ленке, – теперь говорили его глаза, – но имей в виду, я не делаю ничего плохого! Просто было невежливо не пригласить Мари на шоу. Она столько возилась с вами, ведь так?»

Я весьма скептически поджала губы.

«А не твое собачье дело!» – будто ответил он мне и снова повернулся к Мари.

– Лена вам позвонит, чтобы вы ехали завтра вместе! – Он резко повернулся и быстро пошел к выходу так, чтобы Мари ничего не успела возразить. Я уже возмущенно качала ему вслед головой, но тут Мари резко высунулась из-под одеяла.

– Пойдите! А как же ваша укушенная нога? Болит?

– И не думает! Собака прокусила только ботинок! – Он улыбнулся вдруг весело и по-мальчишески, и дверь за ним закрылась. Мари так и сидела на кресле, глядя на дверь. Лулу осторожно тявкнула вслед.

– Совсем с ума сошел! – сказала я. – Приперся в шесть утра, чтобы пригласить нас на авиашоу!

Мари высунула ноги на пол, зевнула, взъерошила светлую копну волос и улыбнулась:

– По сравнению с тем, что вчера вытворяли тут вы, Таня, приход этого человека – всего лишь небольшая неосмотрительность.

– Я осознала свою вину, – скрипучим голосом выдавила я.

И вдруг Маша выскочила из постели, вытянулась вся в струнку, демонстрируя мне очаровательную фигуру, и легкими шагами подошла к окну – раздернула шторы. Солнце тут же ворвалось в комнату и расцветило пол веселыми пятнами. Влетел ветер и отозвался в моей душе мрачным вихрем. Да делайте, что хотите. Какое, в конце концов, мне дело до вас?

– Какой хороший денек! Подумать только, что уже осень. Пойдемте, Таня, на крышу пить кофе! У меня перед работой

еще есть полчаса.

Нет, я не хотела здесь больше задерживаться ни одной минуты. Я повернулась и молча пошла к двери.

А Мари и не подумала мне возражать. Она отправилась в ванную, с удовольствием приняла очень горячий душ, растерлась пушистым полотенцем и намазалась с головы до ног пахучим кремом. После этого, напевая, она сварила себе кофе и разогрела в микроволновке молоко для собаки. Потом она натянула джинсы и взяла поводок. Прогулка с Лулу доставила ей сегодня большое удовольствие.

* * *

Несмотря на все, что я теперь думала о Мари, Париж в это утро околдовал и меня. Я не пошла, как ходят туристы, привычным путем, – по Марсовому полю к Военной школе. И не пошла путем «американским» – по проспекту президента Кеннеди до высотки Радио Франс, а потом по мостику через Сену к символу американизма – копии статуи Свободы. Ноги сами понесли меня в другом направлении. Осмысливая мой путь теперь, я вообще даже не могу твердо утверждать, что память – это продукт деятельности мозга, как утверждают физиологи. Мой мозг не помнил дороги, но ноги (а может, клетки памяти в тот момент перенеслись в мои подошвы?), мои ноги вынесли меня сами. Безошибочно и точно, по набережной и улице с неизвестным мне названием я вышла

туда, где стояла десять лет назад со своим спутником таким же ясным воскресным утром. Тогда мы тоже шли с ним от Эйфелевой башни и случайно оказались сбоку от англиканской церкви.

– Смотри! Это же американцы. Они выходят после окончания воскресной службы, – он остановился на углу.

Мне был непонятен его интерес – что тут такого? Люди выходят из церкви. Какая разница, французы они или американцы? Но он стоял и жадно смотрел. Я молчала, стараясь ему не мешать. Иногда моему спутнику становилось неудобно – не передо мной, перед ними. Теми, кто выходил – вдруг кто-нибудь заметит, что он глазеет на людей, как на зверей в зоопарке. Тогда он отводил глаза, делая вид, что разглядывает архитектуру церкви, но через некоторое время опять возвращался к своему жадному созерцанию. Эти люди, американцы, интересовали его куда больше, чем я.

– Ну, пойдем! – осмелилась я попросить его. – Я уже замерзла.

– Скоро пойдем, не мешай!

Поток прихожан прекратился довольно быстро, но мой спутник все еще стоял на самом ветру и ловил взглядом оставшихся редких посетителей.

– Зачем тебе здесь стоять? – не понимала я. – Вход в церковь открыт. Можешь свободно в нее войти. Никому не запрещают входить в церковь и после богослужения, будь ты хоть мусульманин, хоть православный. Хоть кто!

Он посмотрел на меня, как на низшее существо, и со злобностью сказал:

– Наплевать мне на церковь. Я смотрю на людей. Это люди из другого мира, в котором ты никогда не жила и жить не будешь. Неужели тебе не интересно?

В его глазах я была мокрицей, которая осмелилась немного проползти по его штанине. Примерно с земли до уровня колена.

И я отчетливо помню, что меня и эти его слова, и его взгляд не только не разозлили, но привели в страшное смятение.

«Я чем-то не угодила ему?» – забилась в виске обжигающая ледяным страхом мысль. Но чем? Ведь ночью у нас все было хорошо? Однако я боялась даже перед собой утверждать это наверняка.

– Ну, ладно... – Я сдалась, даже и не думая бороться за себя, за собственные желания. – Если ты хочешь, мы еще постоим.

Он посмотрел на меня с иронией:

– Танька, ты ничего не поняла!

– Но что я должна понять? Ты объясни – я постараюсь!

Я совсем запуталась. Что он хочет от меня?

– Танька, они всегда были свободными. С рождения. Их воспитывали не так, как нас. Это много значит, Танька.

– Негров в Африке тоже воспитывают не так, как нас. Однако ты же не поехал в Африку на них смотреть.

Он еще молчал некоторое время, прежде чем ответить. И я видела, что он задумался не над ответом мне, ответ ему был ясен, он задумался над чем-то своим.

– Мы привыкли жить по инструкциям, – наконец сказал ОН, отвернувшись от меня, и я была вынуждена следовать за ним, как Луна за Землей, чтобы не потерять ни слова. – Мы привыкли следовать правилам. С рождения – в детский сад. Потом в школу. Потом в институт. Если не поступишь – ты неудачник. Если окончишь, но не будешь работать – вообще ненормальный.

– Но ведь и за границей так же?

– Танька, ты дура! Так же, да не так же! Люди, у которых есть деньги, совершенно спокойно могут не работать, и их никто не будет осуждать.

– Но ведь у нас денег нет? – Я смотрела на него почти с жалостью. Так вот он о чем. Он боится, что его все считают неудачником.

– Да будь у меня хоть миллион долларов, все мои жены, бывшие и настоящие, все, как одна, послали бы меня работать. Вкалывать на какую-нибудь дурацкую фирму. Или в сраное рекламное агентство, в котором люди пекут такое говно! Чтобы я был послушным, покладистым. Вставал в семь часов, обязательно брился, получал гроши, но был как бы при работе.

– Я никогда тебе ничего о работе не говорила...

Он еще раз взглянул на меня с сожалением, будто хотел

сказать, не говорила, потому что я не твой муж.

И вот сейчас я стояла в Париже уже без него и вспоминала наш разговор, и снова смотрела на колокольню и узкий длинный неф самой церкви. Погода была точно такая же, как тогда, но сейчас ветер казался мне более теплым, а солнце – поярче. Двери церкви были закрыты.

Войти? Не войти? В тот раз мы так внутрь и не вошли.

– Ладно, Танька, пошли! – он смиростивился надо мной, обнял за плечи, повернул и потащил куда-то в проулок. – Детей, хоть и глупых, все равно приходится кормить, чтобы они не умерли с голоду.

«Глупый ребенок...» Вообще-то мне было тогда не так уж мало лет – двадцать два или даже двадцать три... Подсчитывать сейчас было неохота. Конечно, в слове «глупый» было уничижение, но ведь «ребенок» же... Я была согласна остаться глупым ребенком навеки. Только бы быть ЕГО ребенком!

Тогда на мне был модный белый плащ. Ветер кружил по гранитным ступеням желтые листья. Я подняла повыше воротник своей куртки.

И на черта я сейчас пойду внутрь?

Раньше я думала, что это страшно – знать, что мир есть, он существует, а тебя в нем уже нет. А теперь мне не страшно. Ведь ОН уже умер. Он получил этот опыт вперед меня, так чего мне бояться? Для чего я живу?

ОН говорил тогда о свободе. Да, я не свободна. И нико-

гда не буду свободной. Видимо, меня действительно так воспитали. Я прекрасно знаю, что мир несовершенен, и в нем много чего можно усовершенствовать, но в нашей стране это невозможно. А для меня это вообще нигде невозможно. Я даже не буду пытаться. Я все равно даже для себя ничего не сумею сделать правильно. Что уж говорить о том, что надо быть полезной другим?

И почему-то в этот момент передо мной отчетливо всплыло нежно-бледное лицо Мари и молоденькая мордочка Ленки. Они всплыли на миг и исчезли.

Я шагнула через улицу. Прохожих было немного, машин тоже. Отойдя подальше, я обернулась, чтобы снова посмотреть на церковь. Да, я не свободна, но моя несвобода мне дорога. Может быть, она единственное, что меня еще охраняет от смерти. Я мыслю стереотипами. Один из них: покончить с собой – это больно. Другой: я не люблю разговаривать со своей матерью, но, если вдруг она заболит, я не смогу ее бросить. Я должна буду ухаживать за ней. Третий: если кто-то кого-то любит, то эти люди должны жениться и жить вместе. И все в таком роде.

Я остановилась и посмотрела назад через дорогу, чтобы мысленно попрощаться с церковью. Но черт возьми! Она вдруг показалась мне странной – гораздо меньшей и какой-то другой архитектуры. Я еще немного прошла вперед – хотела оглянуться еще раз – вдруг просто ракурс оказался не тот, и взгляд мой неожиданно уперся в набережную. Впереди

меня была Сена. Я, ничего не понимая, подошла к парапету. Я вроде бы помнила, что там, где мы стояли с НИМ, реки не было. Я закрыла руками лицо, чтобы сосредоточиться. Нет, я не могла ошибиться. Я помнила отчетливо – ОН взял меня за плечи, и мы пошли каким-то узким проулком. Зашли в ближайшее кафе... Я вернулась. Обошла церковь кругом. Нигде никакого проулка не было. Незнакомые улицы. Мне стало страшно. Будто кто-то специально запутал меня.

Я спросила себя: может, так люди сходят с ума?

Какого цвета была машина, которая меня только что пропустила через дорогу? Я ничего не помнила. Как же я могла запомнить церковь, у которой стояла восемь лет назад?

Нет, надо успокоиться. Перво-наперво проверить память. Я стояла у парапета. Только что по набережной навстречу мне прошел человек с собакой. Кто это был? Мужчина, женщина? Какой породы была собака? Я напряглась и еле сдержала себя, чтобы тут же не обернуться. Нельзя оборачиваться! Я должна вспомнить сама. Я закрыла глаза, чтобы сосредоточиться. Еще раз, спокойно! Я вспоминала... Только что навстречу мне прошел мужчина... Средних лет... Его собака была невысокая, кудлатая. Похожая на Лулу. Нет, шерсть Лулу – черно-белая. Собака, прошедшая сейчас передо мной, была другого цвета. Какого?

Я обернулась. Набережная передо мной была пуста. У меня подкосились ноги. Какая-то мистика!

Но вдруг на другой стороне дороги, не со стороны реки, а

со стороны домов я увидела удаляющуюся от меня женщину. С собакой на поводке. И псина вовсе не была похожей на Лулу. Это был черный и гладкий французский бульдог. Если еще минут двадцать назад я была уверена в своем пути, в местности, в воспоминаниях, то теперь я уже сомневалась, в самом ли деле я – это я? А может быть, я нахожусь уже даже и не в Париже?

Нет, что за чепуха! Передо мной от другого берега отходили заполненные туристами плоские катера с ярко-оранжевыми сиденьями. Я повернулась и нашла в небе иглу Эйфелевой башни.

Нет, все-таки я в Париже. И тут меня осенило: господи, как же все просто! Вот оно объяснение. Я вдруг поняла, почему ОН меня не любил.

Я была – другая! Может быть, похожая на кого-то, но не та. И он относился ко мне не так, как к другим, потому что не могу ведь я принять эту церковь, которая сейчас возникла передо мной, как ту, настоящую, что была когда-то. И я для НЕГО настоящей не была. И все мои заслуги были для него, словно чужая проходная улица. И потому-то я была другая, я не смогла ЕМУ доказать, что я достойнее всех, кто занимал его внимание, кто по непонятным для меня причинам вдруг становился его женами и матерями его детей, в то время как я, при всех своих усилиях, навечно остаюсь для него «Танькой». И именно потому, что я была другая, ему было на меня наплевать, как мне сейчас наплевать на эту, другую церковь.

И не его вина, что это я по своей легкомысленности и самонадеянности верила, что своей любовью сумею переломить его равнодушие ко мне, сумею развернуть его чувства в свою сторону. Фиг! Если ты ненастоящая, если ты другая – ничего из этого не получится... Я, не оборачиваясь, пошла прочь. Я ошиблась. Это просто была не та церковь.

* * *

А Лену незадолго до того разбудил звонок Валерия.

– Валер, а ты где?

– Еду на аэродром.

Она ждала какого-то продолжения, хоть капельку чего-то, что напомнило бы и ей и ему о прошедшей ночи, но он говорил отрывисто и сухо.

Он не один, кругом посторонние люди, – догадалась она. Вкратце суть разговора свелась к тому, что Валерий попросил Лену связаться с теткой и пригласить ее на завтрашний праздник. Он даже подобрал уже весомые аргументы, но Лена не возражала, и это сократило их разговор еще больше.

– Ты сейчас куда? – спросил он в заключение.

– Пойду, погуляю.

И Лена отправилась к Елисейским Полям.

Елисейские Поля означают райские поля, а вовсе не землевладения какого-то фантастического Елисея, наподобие королевича из «Сказки о мертвой царевне и семи богаты-

рях». Лене было даже забавно, что до того, как она прочитала путеводитель, у нее было примерно такое представление.

Четырнадцатого июля – когда улица, а вернее бульвар, которым, в сущности, являются Елисейские Поля в той их половине, которая располагается ближе к Тюильри, украшен французскими флагами, и по ней маршируют нарядные военные и сам президент Французской Республики говорит речь – она кажется торжественной и широкой. В обычный же воскресный денек, каким выдался этот день в Париже, эта легендарная авеню представилась Лене вполне домашней, милой и уютной. Многие магазины не работали, в кино-театрах народу с утра не было вовсе, поток машин не утомлял шумом, и празднующихся прохожих было не так уж много. Лена была немного удивлена – эта знаменитая улица даже показалась ей скучноватой. И даже знаменитая Триумфальная арка, пропускающая через себя улицу, как каменная радуга, не произвела на Лену должного впечатления. Ничего особенного, у нас на Кутузовском – арка больше.

С разочарованием она подумала, что вообще-то она совсем по-другому представляла себе утро в Париже. С другой стороны, а что ее, собственно, не устраивало? Лена задумалась и решила, что вообще-то ей и желать большего нечего – все хорошо. Валерий ушел от нее утром, она сейчас была свободна, здорова и не голодна. Настроение у нее улучшилось, она подошла к подножию Арки и решила перейти на блинный пятачок к Вечному огню, от которого как раз в это

время расходились сторбленные ветераны. Низенькие корейцы фотографировались на фоне центрального барельефа с «Марсельезой». Лена постояла в самом центре площадки и разглядела, как было написано в путеводителе, на строгой прямой улице с одного конца площадь Тюильри, а с другого – безумное чудище Дефанса. Но в душе ее не было ни восторга, которого она ожидала, ни нежности к Парижу.

Она пошла от огня по кругу и стала внимательно, как прилежная ученица, осматривать боковые барельефы. Со стороны улицы Ваграм Ленино внимание привлекла надпись: «Аустерлиц». Ей сразу вспомнился вбитый в голову образ – тонкий и храбрый князь Андрей падает со знаменем в руке под высоким небом. На но барельефе арки было изображено совсем другое – победные лица французских солдат и под колесами пушек поверженные русские воины.

Какая гадость! Лена пошла, но тут снова зазвонил из сумки ее телефон.

– Ты перезвонила Мари? – теперь уже без всякого приветствия переспросил жених.

– Еще не успела.

– А что ты делаешь? – В его голосе было и удивление, и неудовольствие, что его просьба-приказ были до сих пор не выполнены.

– Я вот тут смотрю, как наших под Аустерлицем отколошматили, – с каким-то непонятным злорадством вдруг сказала Лена.

– Ты, собственно, где? – спросил Валерий.

– У Триумфальной арки, – голос Лены был наполнен одновременно и иронией и торжеством. Мол, я не просто не позвонила, я делом занимаюсь, достопримечательности осматриваю.

– Ну, позвони, пожалуйста, – уже миролюбиво-просительно повторил жених.

– Ладно, позвоню, – сказала Лена уже своим обычным голосом и, действительно, уйдя с исторического места, чтобы связь была нормальной, перезвонила Мари и пошла, куда глаза глядят.

Как оказалось через самое короткое время, Ленкины глаза незримо глядели в мою сторону. И как это часто бывает, когда что-то не ищешь, это что-то находится само собой. В данном случае этим чем-то была для Ленки я. И это объяснить просто: оказавшись без мужчины, женщина ищет подругу – надо и выговориться, и выплакаться. И хоть я подругой для Ленки не была, здесь, в Париже, я невольно оказалась для нее самым близким человеком. Не к Мари же, которую она почти не знала, ей было идти со своей печалью?

А попалась я Ленке на глаза, потому что, наугад углубившись от набережной в какой-то переулок, внезапно снова попала на место, показавшееся мне знакомым. Передо мной снова была церковь, очень похожая на ту, перед которой стояли мы с моим другом. И я выпятилась на нее, как баран на новые ворота. И угол этого сооружения был практически

таким же, как тот, что я обнаружила в начале своего сегодняшнего пути. Я сообразила: здания были похожи. Вернее, они были типичны. В башке у меня заныло, закрутилось, зажглось и поплыло разноцветными пятнами: вот серый камень углов, вот яркие пятна травы и темные пирамиды туй. Так все же – которая из них? Та или эта? Я подошла ближе к фасаду. Какой-то мужчина, поглощенный своими мыслями, остановился перед закрытыми высокими дверями рядом со мной.

Я спросила его на плохом английском:

– Что это за церковь?

– Американский кафедральный собор, – ответил он с неудовольствием. Верхом неприличия с моей стороны было спрашивать его о чем-то в то время, когда он, согласно своей протестантской вере, собирался общаться с Богом напрямую.

Значит, именно рядом с *этим* зданием мы стояли тогда с моим другом, а не с тем, которое двадцать минут назад вызвало у меня такую бурю воспоминаний. Я прошла за угол и прислонилась лбом к каменной стене. Теперь моя душа, истощившись у предыдущего здания, была пуста. Я не могла исторгнуть из нее ни крупинки чувства. Мой рот скривился в презрительной усмешке над самой собой. Я ошиблась, я опять ошиблась!

Я вздохнула и повернулась к стене спиной. Передо мной открылось прекрасное синее небо.

– Я ошиблась, – сказала я себе. – Но это по крайней мере означает, что с головой у меня все в порядке. Приняла одно здание за другое. Ну и что? Они похожи. В целом ничего плохого в этом нет. Наоборот, нашлось логичное объяснение тому, что я заблудилась на набережной.

Я огляделась – вон и проулок, где было кафе, куда мы зашли тогда. Но мне почему-то не захотелось в него зайти снова. Я просто прошла мимо и заглянула внутрь. Кажется, тогда мы сидели за столиком у окна, но теперь я ничего не почувствовала. Видимо, на вчерашней козетке вылилась большая часть моих слез. Но нет, козетка здесь была ни при чем. Что-то во мне сломалось сегодня. Как раз возле церкви. Я без конца перетирала одну только мысль – когда я была настоящей? До НЕГО или с НИМ? И мне казалось, я никогда этого не пойму.

Машинально я шла и шла, пока не открылся мне перекресток широких и элегантных улиц. Блестящие машины катились передо мной в четырех направлениях. Прохожих заметно прибавилось. Обнявшиеся парочки ворковали, продвигаясь по пути удовольствий. Мотоциклисты катили на своих «тачках» в разноцветных блестящих шлемах. Кипела жизнь. И я подумала одновременно с сожалением, но вместе с тем и с гордостью, что не хочу участвовать в ней, хочу находиться выше ее простых радостей, наблюдать за жизнью как бы издали, не отрываясь от нее окончательно и навсегда. Я закрыла глаза и попыталась напрячься изо всех сил, желая

ошутить того, незримого, с кем ходила здесь много лет назад. Я все еще помнила почти каждое его слово, но ощущение, что он сейчас находится рядом со мной, подобное тому, что я испытывала вчера в автобусе или в гостиничном номере, все не приходило. Какая-то женщина, случайно оказавшаяся рядом со мной, бегло взглянула на меня и остановилась:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.